

online-best

ЕВА СЕВЕР
ТРАССА
НОЛЬ

18+

online-best

Ева Север
Трасса Ноль

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Север Е.

Трасса Ноль / Е. Север — «АСТ», 2018 — (online-best)

ISBN 978-5-17-111579-1

Как жить в реальности, где не нашел себе применения? Мы уходим в творчество или зависимости, становимся адреналиновыми наркоманами, ищем спасения в случайных связях. Мы играем в Питеров Пэнов и тайком сбегает в собственную вымышленную страну. Escape-план есть у каждого. Но что, если Питер Пэн однажды устанет бежать? И что случается с Нетландией, когда ее обитатели решают повзрослеть?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-111579-1

© Север Е., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ева Север

Трасса ноль

Моему другу, который говорил: «Не ебаться».

Моему другу, который верил, что одиночества нет.

Моему другу, который однажды отказался взрослеть.

Всем, у кого есть escape-план

Глава 1

День, когда не пришло лето

Яна

Ночью умерла кошка.

Яна не поняла, в какой момент это произошло. В последнее время вообще все ночи для нее слились в единый кошмар с вечно-серыми сумерками за окном, коктейлем из тревоги и недосыпа, дергаными пробуждениями по будильнику раз в полтора часа – время уколов.

И вот теперь Яна сидит на полу, хмурое утро заглядывает в окно, беспощадно высвечивает грязный линолеум, мятый плед и растянувшееся на нем неподвижное тельце.

А ведь ветеринар предупреждал, что так будет. Говорил: усыпите лучше сразу...

– Прости меня. Моя хорошая.

Пальцы бережно гладят потускневшую шерстку, слезы бегут по щекам, капают на рыжую клетку пледа.

«Она умирала одна, пока ты спала рядом!»

Яна ощущает приближение паники, закрывает глаза, пытается удержать истерику. Спазмы сдавливают горло, мешают вздохнуть, руки дрожат, в груди что-то рвется.

В комнате за стеной хлопает дверь, Яна слышит шаги по коридору и вопли с кухни:

– Ну елки, кто опять мой завтрак съел?!

Это общага – здесь все друг у друга воруют.

Кажется, будет скандал: на кухне раздаются недовольные крики, с грохотом падает кастрюля, звенит стекло.

Яна втягивает голову в плечи. Ума лежит неподвижно. А ведь всегда боялась громких звуков...

Дверь с грохотом распахивается, с порога раздается:

– Яныч, а ты не видела...

Яна молчит, сидит на полу, чуть покачиваясь: «Не оборачивайся – все это только сон, пока не заговоришь ни с кем».

– Яночка, ты чего? Ой! Кошка все же издохла?

Кошка. Издохла.

Это выше Яниных сил. То, что сидело в груди, теперь вырывается наружу с диким криком:

– Вон пошли! Вон!!!

Подхватив с тумбочки стеклянный стакан, она запускает его в поспешно закрывающуюся дверь. Стакан попадает в косяк, осыпается вниз сотней осколков.

Крик переходит в рыдание, но не затихает. Яна кричит, захлебываясь слезами, бьет кулаками по полу.

«Теперь можно кричать – Умочка уже не боится...»

Яна ощущает подступающую дурноту, вскакивает. Ванная в конце коридора, последняя дверь направо. Она несется по коридору босиком, как была, в пижаме.

Еле успевает добежать, сгибается над раковиной.

Яну рвет, желудок словно взяли в тиски. Во рту вкус горькой желчи. Глотая слезы, покусывая, Яна оседает на холодный кафель, бессмысленно разглядывает разбитые костяшки пальцев и бормочет:

– Умы нет. Нету больше Умы...

Ума никогда не была просто кошкой. Она была другом, членом семьи, ангелом-хранителем. С того момента, как семилетней Ясеньке положили на колени серый пищащий комок, утекло много воды.

Вяло и смазанно ползли годы в родном городке под Ростовом. Районная школа, безвкусная овсянка в столовой по утрам. Располневшая и подурневшая раньше времени мать, вечно глядящая исподлобья и словно ждущая от Яси чего-то большего. Веющая тоской пластмассовая реальность жизнерадостно рвется из старенького телевизора на кухне, надежно упрятанный в рюкзак дневник с четверками («Так и останешься на всю жизнь хорошисткой?!»)

Ветки яблони, скребущие в окно, подружки, зовущие покурить за гаражи, – летом, кусачие рейтузы под юбку – зимой. Позже были еще дискотеки с одноклассниками, провонявшими паленой водкой и потом, но все это прошло как-то стороной.

Ярче запомнились старые книги из местной библиотеки. Вот они пахли как нужно: героизмом, отвагой, приключениями и неведомыми странами, в которые из Ростова точно не идет ни один поезд.

Со временем ушла в прошлое Яся, осталась Яна. По-прежнему хорошистка: русая коса, веснушки да сгрызенные ногти. Три подруги, больше на день рождения позвать некого. Книжки под подушкой и мечты о большом городе. В общем-то, ничего особенного.

И все это время рядом была Ума Турман. Гладкая серая шерстка, зеленые глазища, откусенный кончик левого уха (соседский пес постарался). Выбирая ей имя, девочка Яся всего лишь отдавала дань моде: той зимой в их классе все были влюблены в Уму. Но серый попискивающий комочек воспринял все всерьез – кошка выросла отчаянной гордой красавицей.

Засыпая, Яна прижимала Уму к груди, слушала незатихающее мурлыканье. Это ей она девчонкой доверяла секреты, с ней мечтала сбежать из дома. Ума грела колени долгими зимними вечерами, с ней было не страшно идти в кладовку за картошкой.

Уехав в Питер поступать в институт, Яна думала оставить кошку дома – чтобы мама не скучала.

Осенью пришлось заселяться в общежитие вдвоем – без хозяйки Ума отказывалась от еды, чахла на глазах, не давалась в руки.

Яна усмехнулась сквозь слезы. Одному Богу ведомо, чего ей в свое время стоило уломать комендантшу.

«С животными в общежитие вход воспрещен!» – и никаких, попробуй поспорить.

Ничего, преодолели и это. В конечном итоге бутылка коньяка и коробка конфет все же решили исход дела.

Правда, подношение основательно подорвало бюджет. Яна с Умой тогда до конца месяца питались макаронами с килькой – и, кажется, были самыми счастливыми обитателями общаги.

Обнимая пушистое тельце перед сном, Яна шептала:

– Мы с тобой банда, слышишь? Никому тебя не отдам!

Ума мурлыкала.

Это были хорошие пять лет.

А теперь она совсем одна. Сидит на грязном полу в пижаме. Сколько времени прошло – полчаса или весь день? Пусто в гулкой душевой, пусто в Яниной голове. Только вяло всплывает одна и та же холодная липкая мысль: «Ты должна похоронить Уму».

Как поступают в таких случаях, Яна не знала.

Когда она наконец поднялась с пола и пошла, шаркая, по длинному коридору, кругом было пусто и тихо. Середина дня, все разошлись по делам. Зайдя в комнату, Яна торопливо оделась: натянула джинсы и свитер, стоя спиной к углу, в котором лежал плед.

На улице было пасмурно, в лицо ударил пронзительный ветер пополам с моросью. Не беда, до магазина недалеко.

«Продукты 24», в дверях, как обычно, пялится в телефон охранник, Тигран. Яна растянула губы в дежурной улыбке.

«Надо же – все как всегда. И я, как всегда, улыбаюсь, будто и не случилось ничего».

– Здравствуйте! А у вас коробки не найдется?

– Переезжаете? – охранник цыкнул, награждая Яну ответной широкой улыбкой.

– Угу, – она сглотнула. – Небольшая, вот такого размера где-то.

Показав руками примерный размер коробки, Яна заметила, что ладони дрожат. Она поспешно опустила руки.

– Ща, посмотреть надо...

Парень махнул рукой и скрылся в недрах магазинчика. Вернулся через пару минут, гордо неся слегка помятый картонный ящик из-под фруктов.

– Сойдет?

– Спасибо! – Яна перевела дух и продолжила ровным голосом: – А лопаты не найдется?

Охранник недоуменно уставился на Яну и вопрошающе всплеснул руками.

– Спасибо, – повторила она и побрела обратно, зажав под мышкой коробку.

Лопата нашлась в кладовке общежития, у комендантши. Та не стала задавать вопросов: видно, уже была наслышана.

Полчаса спустя, держа на вытянутых руках коробку и неловко зажав под мышкой лопату, Яна поджидала электричку на продуваемом перроне – благо, от общаги до станции недалеко.

Она уже знала, куда повезет Уму.

Сид

Все же лето в Питере – дурацкая пора. Вроде июнь по календарю, а погода не шепчет.

Сид недовольно покосился на открытую форточку, сморщил нос и спрятался с головой под одеялом.

Рядом посапывала Дашка. Ощувив под боком тепло женского обнаженного тела, Сид блаженно улыбнулся и прижался к ее спине, закопался лицом в копну каштановых кудряшек.

– М-м, доброе утро, – мурлыкнула Дашка, завозившись под одеялом.

– Доброе, – Сид поцеловал девушку в ухо, чуть прикусив мочку. – Как спалось на новом месте?

Хихикнув, Дашка чмокнула Сиду в нос и широко улыбнулась:

– Как дома! Еще бы кофе кто угостил...

– Сделаем! Может, только чуть позже, – довольно хмыкнул Сид.

Приподнявшись на локте, он обнял девушку и настойчиво поцеловал ее в губы.

Полчаса спустя Сид стоял на пустой кухне, гипнотизируя кофейную турку на походной горелке.

Вообще-то, кухней это можно было назвать только с большой натяжкой. Белые стены, бетонный пол, грубо сколоченный стол-верстак да колченогий табурет скорее подошли бы студии-мастерской. В деревянном ящике на столе хранились продукты: банки с макаронами и крупами, мешочки со специями, жестянки с консервами. На подоконнике разместились нехитрая утварь: закопченный котелок, сковородка, пара чашек и мисок.

Женщины при виде такого быта приходили в ужас или умилялись. Сиду это льстило. «Живу по-походному, как Джек Лондон на Аляске» – так он пояснял.

Бросив взгляд в полутемный коридор, Сид несколько секунд задумчиво разглядывал себя в пыльном зеркале. Голый, с бритым черепом и рыжей щетиной на подбородке, поджарый,

как ирландский сеттер, и такой же заводной. Татуировка на ребрах, шрамы на животе и под лопаткой – как вехи прожитых лет.

Обычно Сид себе безусловно нравился. Но этим хмурым утром в зеркале ему померещилось что-то, неприятно цепляющее. Раздражающее, как трещина на любимой чашке.

– Эй, парень, веселей! – привычно подмигнув собственному отражению, Сид отвернулся к окну.

Небо хмурилось, тополя под окном сгибались на ветру. Легкое раздражение и не думало уходить, наоборот, сменилось меланхолией и, кажется, пустило корни, грозя испортить и без того серое утро.

Что-то вертелось в голове и смутно беспокоило, мешало расслабиться. В памяти всплывали обрывки сна. Снилось какая-то гадость: гулкий пустой коридор, скучная комната, чувство безысходности, притаившееся в углу. Потом были еще хмурое северное море, мертвая сосна с побелевшими корнями, торчавшими из песка, и пронзительный ветер. Нет, не вспомнить.

Кофейная пенка зашипела, переливаясь через край турки. Крошечный огонек горелки погас, запахло газом.

– Твою мать, – зашипел Сид и кинулся спасать остатки кофе.

Дашка не спала. Сидела на краю постели, подобрав под себя ноги и укутавшись в плед. Каштановая прядь выбилась из-за уха и падала на обнаженную грудь.

– Блин, как ты так вообще живешь? – она недоуменно обвела рукой комнату.

– А, ерунда, – Сид привычно улыбнулся. – Раньше здесь и кровати не было – только палатка прямо посреди комнаты. В ней и спал.

– Ну, если матрас на полу можно назвать кроватью, то прогресс налицо! – девушка хихикнула и потянулась к Сиду. – Кофе принес? Иди сюда...

Сид поставил две дымящиеся чашки на старомодную колонку от магнитофона, служившую прикроватной тумбочкой.

Помедлил секунду и пододвинул к постели плетеное кресло. Устроился в нем, потянулся за кофе и подмигнул Дашке. Та тут же с готовностью улыбнулась в ответ. Молодая, сильная и почти красивая. Сид даже залюбовался ею.

Кофе ощутимо горчил. Отставив чашку, Сид поднял с пола пачку сигарет и закурил.

– Ну так что? Как ты дошел до жизни такой, приятель? – Дашка растянулась на кровати, грея руки о кружку.

Сид неожиданно разозлился. Формулировка показалась ему оскорбительной. Но, бросив взгляд на подругу, все же сделал над собой усилие и расслабился – слишком уж весело и тепло смотрела девушка.

– Даже не знаю, что сказать, бэби, – излюбленное его начало для этой байки. – Мама у меня была из первых хиппи.

– М-м, что ты говоришь?

Дашка тряхнула головой, отбрасывая с глаз пушистую челку.

– Помню, как-то пришел к ней, – Сид затаился и сделал паузу, – и спрашиваю: «Мам, я дитя любви?»

– Ну? – подогнала Дашка.

– А она отвечает, – Сид улыбнулся, выдерживая паузу и наслаждаясь вниманием. – «Нет, ты дитя очень хорошего секса!»

В комнате повисло молчание, затем Дашка неуверенно прыснула.

– Н-да... – протянула она. – Истории у тебя... И что, это все из-за твоей мамы?

– Что «это все»? – не понял Сид.

Он привычно обвел взглядом комнату. Голые стены, изначально выкрашенные в белый цвет, теперь пестрели рисунками и надписями. Пол в теплых тонах удачно перекликался с резным деревянным жирафом на подоконнике. В углу громоздился мольберт.

В этой квартире прошло детство Сиды. Когда-то, очень давно, стены комнаты были оклеены обоями – впрочем, их тоже было не разглядеть из-за рисунков и плакатов рок-звезд, которых так любила его мать.

А в соседней комнате жили бабушка, военный врач на пенсии, и остроносый рыжий мальчик. Мальчик тоже, как и его мать, любил рисовать и слушать трофейные пластинки. Только вот в эту комнату его почти никогда не пускали.

Сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы. Сид вздрогнул и торопливым движением отправил бычок в пепельницу.

– Знаешь, – проговорил он безмятежным тоном. – А ведь ты права. Да, это все именно из-за той истории.

Помолчав, он встряхнулся и бодро хлопнул себя по коленям.

– Ну, Дашик, спасибо, что зашла! Думаю, тебе пора.

– Чего? – девушка вытаращила глаза. – То есть как «пора»? Я же еще даже не...

– Извини, бэби! – Сид уже поднялся и принялся деловито снова по комнате, подбирая с пола ее одежду. – На работу опаздываю.

– Но... То есть, конечно, как скажешь.

Дашка начала одеваться в недоуменном молчании. Сид едва сдерживался, чтобы не начать подгонять ее.

Через десять минут, закрыв за собой дверь, он облегченно выдохнул и прислонился спиной к стене. На тумбочке в коридоре валялся мобильный.

Сид взял его и задумчиво нашел в телефонной книжке номер. Помедлил и стер его.

Тишина в квартире давила, словно принуждая к чему-то. За окном пошел дождь.

– Соберись, парень, come on!

Сид провел рукой по лицу, заметив, что пальцы слегка дрожат. Нет, утро явно не задалось.

Если бы еще не этот дурацкий сон...

Сид неожиданно почувствовал, как накатило одиночество. Дернув щекой, он направился на кухню соорудить завтрак. До его смены оставался еще весь день.

Яна

Яна не была в этом месте почти два года, но здесь мало что изменилось. Те же безразличные ко всему волны залива, тот же ледяной ветер, сосны да песчаный пляж.

Вдалеке прогуливалась пожилая супружеская пара, других людей видно не было. Да уж, погода сегодня не летняя.

Яна без труда отыскала нужное дерево. Прекрасная раскидистая сосна, росшая немного наособицу от других деревьев, на самой границе песчаного пляжа.

Положив коробку и лопату на песок, Яна выпрямилась во весь рост и постояла с минуту без движения.

Да, без сомнения, место то же. И все же в одну реку невозможно войти дважды. Сосна за каких-то два года одряхлела и почти вся засохла, теперь толстый ствол подставлял ветру безжизненный белый бок.

И лето тоже не то. Тогда светило солнце, стояла жара, на пляже играли в волейбол и жарили шашлыки. А сейчас больше похоже на сентябрь.

Яна потянула носом соленый морской воздух, всхлипнула и не удержалась – положила ладонь на ствол сосны. Она гладила мертвое дерево, нежно и аккуратно обводя пальцами узоры древесины.

Два года. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь.

– По большому счету, все женщины – дуры.

Он слегка заикался. Не сильно, иногда почти незаметно. Но, видимо, ему самому это мешало. Яна была хорошо знакома с его привычкой компенсировать заикание уверенным категоричным тоном.

Вот и сейчас вид у него был такой независимый и холодный, что Яне показалось – ее друг где-то очень, очень далеко. Даром что они сидят в обнимку, привалившись к стволу сосны, и Яна чувствует тепло его тела.

Она в тот раз обиделась и моментально завелась:

– Дуры, говоришь? А напომни-ка, кто сессию позавчера закрыл, а у кого два хвоста на осень остались?

Несмотря на разницу в возрасте, они были одноклассниками, и он частенько списывал у Яны. Что, впрочем, не мешало ему считать себя умнее.

– Это не в счет. Диффуры, например, ты благодаря декольте и мини-юбке закрыла.

– Неправда! Я в тот день вообще в штанах пришла!

Яна почувствовала, что краснеет от обиды. Отстранившись, она запальчиво заглянула приятелю в лицо и собралась было окончательно обидеться.

Он сидел неподвижно и искоса глядел на девушку. В его глазах плескался смех, он явно забавлялся ее злостью.

Яне расхотелось спорить. Фыркнув, она ограничилась тычком под ребра:

– Дурак!

Он чуть сильнее прижал ее к себе.

– Может, и дурак. Зато я тебя... Ну, ты знаешь.

На этой фразе он всегда запинаясь сильнее обычного и еще ни разу не смог договорить до конца. Яна уже привыкла.

Она улыбнулась и спросила очень просто:

– Навсегда?

– А как же...

Потеревшись подбородком о ее макушку, он довольно прищурился. На душе сразу стало легко и тепло. Яна с улыбкой шепнула:

– Спасибо!

Она снова всхлипнула. Руки покраснели на ветру, из носа текло. Пора было браться за дело.

Подобрав с земли лопату, Яна принялась быстро, с остервенением копать яму. Хотя одно хорошо – почва тут мягкая и рассыпчатая.

Дождь все капал и капал, ветер усиливался. Из рта пошел пар. Яна скосила глаза на коробку, лежавшую неподалеку. Картон промок, посерел и выглядел теперь совсем неопрятно.

Мотнув головой, Яна сосредоточилась на работе.

Их «всегда» закончилось спустя полгода, как-то очень внезапно и буднично. Просто после очередной ссоры Яна собрала вещи и вернулась из их крохотной квартирки в общежитие, а он так и не позвонил.

Он перестал ходить в универ, друзья говорили, что запил, но Яна не верила. В конце семестра она нашла его фамилию в списках на отчисление. Больше они не виделись. Яна почти не плакала после их разрыва, только крепче обнимала Уму по ночам во сне.

Два года, а кажется, что двадцать.

Могилка была готова. Стиснув зубы, Яна подошла к коробке, бережно подняла ее на руки и осторожно опустила в яму. Коробка почти ничего не весила.

Не глядя по сторонам, не давая себе времени задуматься, Яна быстро забросала яму землей вперемешку с песком. Поверх насыпала холмик. Чего-то не хватало.

«Какое сделать надгробие?»

У линии прибоя было полным-полно камней, в основном – выглаженная морем галька. Яна бродила по пляжу, внимательно глядя под ноги.

Полчаса спустя над холмиком земли выросла пирамидка из камней, сложенная на манер языческого кургана. Яна аккуратно выровняла последний слой, провела по нему ладонью.

Дождь наконец утих. Небо прояснилось.

Делать здесь больше было нечего, но Яна не могла просто так уйти. К тому же она все равно уже промокла до нитки, да и идти было особо некуда.

Одиночество давило, от него хотелось заскулить, завывать на небо.

Достав из кармана телефон, Яна открыла мессенджер и набрала сообщение: «Ума умерла. Я у нашего дерева. Тут холодно».

Вводя в поиске имя адресата, Яна с удивлением поняла, что до сих пор помнит наизусть все цифры. Она даже не подумала, что он мог сменить номер.

Отправив сообщение, она неуклюже поднялась с земли. Все же пора было идти.

Яна не ждала, что он ответит.

Но через минуту экран телефона ободрающе моргнул.

«Хочешь, приезжай?»

«Ты уверен?»

«Адрес не забыла?»

Конечно, она помнила адрес.

Сид

Сид задумчиво провел рукой по затылку, проверяя, отросла ли щетина. Колючий. Пора бы побриться.

Раньше он носил длинные волосы, подбривая только виски. Рыжеватые пряди слегка вились вокруг худого лица. Девушкам нравилось. Прямо как Иисус, говорили они.

Когда он побрился наголо, никто не оценил.

«У меня такая красивая форма черепа, что я больше не мог это скрывать!» – отшучивался Сид.

На самом деле он обнаружил, что волосы на макушке начали редеть, и решил не дожидаться момента, когда это заметит кто-нибудь еще. Взрослеть, а тем более стареть, казалось обидно и позорно.

Сид зевнул. По-прежнему голый, он сидел по-турецки среди вороха пледов в хаосе не заправленной постели. В руке была книга, бедро слегка холодила прислоненная к нему бутылка. До финала оставалось восемь страниц и еще вина на самом доньшке.

Сигареты уже закончились. Скоро все же придется выйти на улицу, ничего не поделаешь.

Где-то в складках простыней ожил телефон. Сид напрягся. Ему показалось, что обычный сигнал оповещения прозвучал как-то особо пронзительно.

Не глядя, он протянул руку и зашарил в поисках телефона. Судорожным движением нащупал и зажал его в ладони.

Сердце глухо стукнуло.

Мертвое дерево, серые волны... Одиночество, царапающее коготками по длинному коридору.

Сид тряхнул головой в попытке отогнать тягостную картинку.

Неожиданно разозлившись на себя, он бросил взгляд на экран телефона. Прочитал сообщение и раздраженно хмыкнул. Начал быстро набирать ответ:

«Ты кто?»

Нет, так не пойдет. Он стер короткий текст, не отправив его.

Сид прекрасно знал, кто это.

«Хочешь, приезжай?»

Помедлив, Сид снова стер сообщение. Не хотел он, чтобы она приезжала. Хотелось сидеть в одиночестве, слушать дождь и читать. Только вот до финала восемь страниц, и дождь перестал.

Зато одиночество осталось. Без него сегодня, похоже, никуда.

Сид бегло набрал третью версию и наконец-то отослал сообщение:

«Привет, солнце! Как раз о тебе думал, фантастика».

Ответ пришел незамедлительно.

«Это магия! Так что, ты в городе? Я в Питере до завтра!»

Сиду показалось, что сегодня всему миру от него что-то нужно. Мир толкал в спину, не позволял остаться дома, под защитой изрисованных стен и резного жирафа. Досада с оттенком обреченности давила, мешая сосредоточиться и путая все карты.

«Для тебя я всегда в городе, бэби!»

Он старался отвечать быстро, не задумываясь. Сид всегда презирал самоанализ, считая его уделом слабаков. Вот и сейчас ему меньше всего хотелось копаться в себе и разбираться, откуда росли ноги у подспудного раздражения и почему так отчаянно хотелось молча выключить телефон.

– Живи, как живешь, и наслаждайся моментом. Ведь так, приятель? – он хмыкнул, привычно надевая фирменную кривоватую усмешку.

Брякнуло новое входящее сообщение:

«Куда пойдём?»

Сид кинул взгляд на стол. Там неопрятной стопкой лежали скомканные сотни, придавленные несколькими монетками. Негусто, а до зарплаты еще неделя.

Он перевел задумчивый взгляд на окно. Дождь и правда перестал, в тучах появился намек на просвет.

«У меня идея на миллион. Только это сюрприз. Одевайся теплее!»

Подумал и добавил:

«Через час на Сенной. Буду ждать тебя, малыш!»

– О'кей, погнали...

Без особого энтузиазма он выпутался из пледа и поплелся в душ. Чтобы разогнать угрюмую тишину, Сид начал насвистывать несложный мотивчик. Он старался не думать о том, как жалко это выглядит.

Они молча стояли на пустынном пляже. За спиной громоздились панельные девятиэтажки, в лицо дул свирепый ветер, на грязный песок набегали бурые волны. По линии прибоя сиротливо валялись несколько бутылок да мотался туда-сюда белый полиэтиленовый пакет.

– Пикник на пляже? Ты серьезно?

Лиза изогнула бровь. Похоже, еще не решила, нравится ей эта идея или нет. Сид решил ей помочь:

– Come on, бэби! Это же круто, в стиле шотландского лета! Я прихватил вино, сыр и еще кое-что.

– За твое «кое-что» тебя рано или поздно посадят, псих! – недовольно бросила Лиза.

Сид саркастически усмехнулся, прищурившись против ветра и разглядывая подругу. Выдержал паузу, отвел глаза и покачал головой.

– Лиза, Лиза... Плоско ты мыслишь. А вот во мне, между прочим, еще не до конца умер романтик!

Девушка молчала.

Сид прямо-таки всей шкурой ощущал на себе взгляд ее настороженных зеленоватых глаз за стеклами очков в строгой черной оправе. Тяжелее свинцового пресса, неотступнее подписки о невыезде.

«А все равно хороша, зараза!»

– Да расслабься уже! Садись лучше, я плед прихватил. Как там Москва? Мы же сто лет с тобой не виделись!

Продолжая болтать, Сид шустро расстелил флисовый плед небесного цвета, небрежно выложил на его середину упаковку сыра с базиликом, складной нож и пакет черешни. Сел сам и приглашающе похлопал ладонью рядом. Покопался в рюкзаке и извлек бутылку розового игристого.

– Это же вроде твое любимое, бэби? Да садись, чего стоишь!

Лиза сдалась. Аккуратно подобрав ноги, она опустилась на краешек пледа.

Новый порыв ветра взъерошил ее черные волосы, нарушил безукоризненную геометрию укладки, швырнул пряди прямо в лицо. Лиза подняла воротник кожаной куртки и недовольно наморщила нос:

– Да уж, с тобой не соскучишься!

Сид развел руками и скромно улыбнулся:

– Какой есть...

Ловко открыв вино, он протянул его подруге. Лиза взяла бутылку и покрутила ее в руках. Нехотя глотнула, но тут же отставила на песок и потянулась в карман – за сигаретами.

Сид наблюдал за ней краешком глаза.

Хорошая девчонка, только слишком уж замороченная. Ему всегда нравились такие, с которыми можно было дурачиться и играть. Такие, которые не носят горькие морщинки у краешка губ. Которые не будут нервно закуривать, готовясь к неприятному разговору.

– Эх, погода-а-а! Майями отдыхает! – Сид расплылся в подчеркнуто шутовской ухмылке и потянулся размашистым жестом.

Сложив руки рупором, он прокричал:

– Э-эй, м-и-и-ир! Я! Тебя! Люблю-ю-ю-ю!!!

Ветер подхватил его вопль и понес дальше, к наглухо задраенным по такой погоде окнам девятиэтажек.

Лиза раздраженно поджала губы, но, встретившись с Сидом взглядом, не удержалась и фыркнула. Затем глубоко затаилась и сощурилась, всматриваясь в линию горизонта.

– Сид.

Она явно решила. Ее голос был ровным и лишенным эмоций. Плохо, очень плохо. Значит, сильно нервничает. А значит, разговор будет из той же серии, что и всегда.

– Я не просто так тебе написала. Нам надо поговорить.

«Блин. Снова „поговорить“, сколько раз уже...»

Сид потянулся за бутылкой, глотнул. Поймал Лизин взгляд и обезоруживающе улыбнулся:

– Давай поговорим, бэби. О чем?

Лиза отвела глаза и снова уставилась на серые волны. Губа прикушена, руки на коленях сцеплены так, что костяшки побелели.

– О нас поговорить, Сид. О будущем.

Сид приглушил раздражение усилием воли – уж в который раз за сегодня! – и с готовностью кивнул:

– Мы – это прекрасно. Я люблю наше «мы».

– А оно вообще есть?

Лиза резко повернулась к Сиду и уставилась на него с тем же выжидательным настороженным выражением глаз.

Сиду стало смешно и в то же время досадно. Она так старалась следить за лицом и сохранить свою фирменную непроницаемо-ироничную маску, но вот голос – голос подвел. В нем слышались бессонная ночь в поезде, вокзальный кофе вместо завтрака, выкуренные второпях сигареты, горечь, подступающая паника и что-то еще, неизмеримо большее. Бьющее наотмашь. Голос женщины, готовый идти до конца.

Сид заставил себя не отвести взгляда.

– Ну вот он я. А вот ты. Разве мы не вместе сейчас?

Лиза невесело усмехнулась, утопила сигарету в песке, но тут же потянулась за следующей.

– Мне этого мало, ты же знаешь. Мне нужно знать: у нас могло бы что-то получиться?

По-настоящему?

Сид чуть не закатил глаза. Но вместо этого он только провел ладонью по бритой макушке. Заговорил негромко, расчетливо добавляя в голос горечи и обреченности:

– Лиз, ну о каком «по-настоящему» ты говоришь? Мы в разных городах. У тебя вся жизнь в Москве, карьера... И ты вообще-то замужем!

Запрещенный прием. Они оба прекрасно знали, что все это вовсе не главное.

– Не увиливай, – Лиза только дернула плечом, – речь не о том. У тебя есть какие-нибудь планы насчет нас?

С планами у Сиды всегда было не очень.

Лиза подалась вперед. Она ждала ответа, затаив дыхание и уже не следя за выражением лица.

Сид почувствовал, как защемило под ложечкой.

Она смотрела на него так ищуще. На секунду ему показалось, будто она тонет в бездонном болоте, среди серого тумана, и отчаянно рвется наверх, к воздуху, пытается ухватить его за руку. И, конечно, раз за разом промахивается.

– Как-нибудь займемся любовью в туалете самолета, летящего над Атлантикой. Как тебе такой план? – Сид говорил легко и улыбался так тепло.

Ну вот, он снова сделал шаг назад, спрятал руку за спину. Совсем не трудно, особенно если привыкнуть.

«Ты все сделал правильно, приятель».

Лиза коротко, нервно рассмеялась. Отвернувшись, она порывистым жестом подхватила сумочку.

Однако Сид оказался быстрее. Он цепко ухватил ее за руку, помешал встать.

– А помнишь, я тебе сюрприз обещал?

Потянувшись к рюкзаку, он достал оттуда шуршащий сверток.

– Смотри, бэби!

Лиза обернулась. Глаза жесткие и сухие, спина прямая. А ладонь такая узкая и совсем холодная, безвольная.

– Что это?

Сид развернул сверток, расправил на коленях тонкую, чуть выцветшую бумагу. Покопался на подругу хитро, с прищуром.

– Летящий фонарик? – Лиза фыркнула. – Их же не продают уже лет сто...

– Специально хранил, – Сид гордо улыбнулся. – Для особого случая.

Легко поднявшись на ноги, он протянул Лизе руку:

– Ну что, сделаем это вместе?

Через пять минут они стояли, обнявшись и задрав головы. В небе над ними медленно поднимался, подрагивая на ветру, красный фонарик в форме сердца. Текли секунды. Сердце теряло очертания и постепенно превращалось в одинокую яркую точку на фоне серого неба.

Лиза всхлипнула.

Сид обнял ее крепче, прижался носом к холодной щеке.

– Кстати, насчет планов. Не хочешь через три недели сгонять на Север?

Яна

Она торопливо шла по набережной, глотая слезы. Справа тянулись унылые девятиэтажки, слева... Влево Яна старалась не смотреть. Во-первых, в памяти еще слишком остро топорщилось горбом утро на заливе, те же волны, монотонно набегающие на песок, силящиеся дотянуться до высохшей сосны, но умирающие задолго до нее. Во-вторых, слева дул свирепый северный ветер. Он пробирал до самых костей, терзал душу, оголтело трепал Янины волосы и срывал с глаз слезинки.

В этом районе всегда собачий холод, а до остановки еще полтора квартала. Яна упрямо мотнула головой и вытерла мокрые глаза рукавом куртки.

В ушах безжалостно звенела прощальная фраза, брошенная вдогонку, уже на лестничной площадке. Хлесткие слова отскочили от перил и грязных стен упругими комочками злобы, метнулись вниз по засанным ступеням, чтобы кинуться Яне под ноги, загнать в вонючий угол, заклевать и добить.

«Дура! Думаешь, я на вагиньем языке понимаю?!»

Голос резкий и холодный, бьет наотмашь. Яна тогда только коротко и оскорбительно рассмеялась в ответ:

«Пошел ты!»

Разве бывают такие голоса у тех, кто только что занимался любовью? Невозможно!

Яна почувствовала, как рот некрасиво кривится, как резко вырывается из него горячий сиплый выдох. Слезы снова побежали из глаз. Яна их уже не вытирала.

Она свернула за угол как раз вовремя, чтобы увидеть хвост отъезжающей маршрутки.

– Подождите! Стойте! – Яна припустила следом, размахивая руками.

Желтая «газель» тряско вильнула грязным задом и скрылась за углом.

– Козел!..

Яна остановилась и потянула воздух носом, восстанавливая дыхание. Бесполезно. Ком в горле не пропускал воздух. Выдохи вырывались вперемешку с всхлипами.

Снова заморосил дождь. Яна понуро побрела обратно к остановке. Там уже, устало вытянув ноги, сидела женщина с парой пухлых хозяйственных сумок. Яна тоже нацелилась было присесть на длинную холодную металлическую скамью. Подойдя ближе, она хлопнула носом и робко улыбнулась соседке. Женщина ответила осуждающим взглядом и сдвинула сумки поближе к себе.

У Яны вырвался издевательский смешок.

«Ну да, вот только твоих баулов мне и не хватало!»

А потом скользнула взглядом по своему отражению в стекле остановки и испытала болезненный укол стыда. Растрепанная, зареванная, глаза дикие.

«Рвань переходящая – вот как мама про таких говорила!»

Сидеть расхотелось. Шаркнув носком по асфальту, Яна круто развернулась и побрела обратно к набережной. Все равно следующая маршрутка придет не скоро.

Залив встретил Яну очередным леденящим шквалом ветра. Она зябко накинула капюшон куртки и невидяще зашарила глазами по линии горизонта.

Небо было великолепно. Сложносочиненное, с многослойными облаками, оно нависало над безразличной рябью волн.

«Серое на сером в вечных сумерках – типичный летний Питер...»

Только одинокое красное пятнышко выбивалось из общей картины. Зависло где-то на полпути к облакам. Яна сощурилась, присматриваясь.

Точка дрожала на ветру и летела, то и дело меняя направление.

«Долетит до крыши того дома справа – и все будет хорошо!» – импульсивно загадала Яна.

Точка на секунду зависла, словно размышляя, и начала уверенно набирать высоту. Все менее и менее заметная, она оставила далеко в стороне крыши домов и понеслась навстречу тучам над заливом.

Яна невесело хмыкнула и поплелась обратно на остановку.

На Сенной всегда суматоха. Кто-то что-то круглосуточно продает, покупает, жует утопленные в жиру беляши и запивает кислым кофе.

Яна выпрыгнула из маршрутки и на секунду замешкалась в раздумьях. Ее тут же подхватил людской поток, деловито текущий к метро. Толкнули в спину, зашипели над ухом:

– Встала посреди дороги...>

Яна отступила к стене здания. Посмотрела влево, в сторону метро.

Перед глазами встала пустая неприбранная комната, стол, заваленный лекарствами и шприцами, скомканный плед в углу. Дождливые сумерки лениво заглядывают в давно не мытое окно.

Яна нервно прижала руку к горлу. Куда угодно, только не туда! Туда она пока не может вернуться.

Справа зазывно присвистнули. Яна рефлекторно повернула голову.

– Эй, красавица! Телефончик не оставишь? – голос слегка гнусавый, с прищептыванием, зато так и сочится чувством превосходства.

Яна мазнула взглядом по говорившему. В глаза бросились кустистая сросшаяся бровь и большие пальцы чумазных рук, бессмысленно теребящие несоразмерную пряжку ремня.

Яна неожиданно развеселилась:

– Да? А зачем?

– Ну как... Погуляем? Я пивом угощу! – толстые губы с готовностью дрогнули в улыбке, выставляя напоказ золотой зуб.

– Ну, ну? А потом? – поощрительно покивала Яна.

– Потом? – в гнусавом голосе проскользнули нотки растерянности. – Я тут живу недалеко, если захочешь...

Яна не выдержала, залилась резким истерическим хохотом:

– Извини, приятель! Тут одного... – согнувшись пополам, она хватала ртом воздух, силилась отсмеяться. – Одного пива мало будет!

Хохот все не желал умолкнуть, рвался наружу, разрывал грудь и кривил рот. Вместо вдоха у Яны вышел судорожный всхлип, из глаз брызнули слезы.

– Сука! – в спину ей полетел озлобленный свистящий шепот.

...А где-то там, в насквозь просоленном песке, сейчас размокает картонная коробка. Волны, ветер, захиревшая сосна...

Смех оборвался сам собой, в животе шевельнулся ледяной ком.

Яна втянула голову в плечи и влилась в толпу, покорно побрела в людском потоке.

Кажется, выпить и правда хорошая идея.

Бар был именно такой, как надо. В меру чистый, в меру уютный и дешевый как раз настолько, чтобы сохранить остатки самоуважения. Правда, черно-белый пол в клетку наводил на мысли об общественном туалете. Зато народа – раз-два и обчелся.

По телевизору над стойкой шел футбол, и немногочисленные посетители прилипли к изображению заманчиво зеленеющего поля с мечущимися по нему фигурками.

Неплохо. Сойдет.

Яна топталась в дверях, присматривая укромное местечко в зале, когда в глубине сумки пискнул телефон. Она знала, кто это написал.

«Дура! Думаешь, я на вагиньем языке понимаю?»

Она тряхнула слипшимися от дождя волосами, упрямо пригнула голову и устремила к барной стойке. Шла уверенно, чеканя шаг, – так, как будто он сейчас мог ее видеть.

Стойка пустовала, лишь неподалеку, повернувшись вполоборота, скучал бармен.

Вот сейчас она выпьет для храбрости и прочитает сообщение. Может быть, даже ответит что-нибудь. Если бы только так не дрожали руки...

Яна решительно взгромоздилась на высокий стул и выжидательно уставилась на бармена. Но тот, кажется, и не заметил ее. Натирал бокалы да чему-то усмехался под нос.

В сумке снова ожил телефон. Еще одно сообщение.

– Ч-черт. – Яна сунула руку в сумку, пытаясь найти телефон, и одновременно призывно махнула рукой бармену.

Бесполезно. Ни телефона, ни ответной реакции.

– Бармен, виски! – бросила Яна чуточку резче, чем следовало.

Тот вздрогнул от оклика и неторопливо обернулся в ее сторону.

– Пожалуйста, – Яна попыталась смягчить грубость.

Она наконец извлекла телефон из недр сумки и помедлила, избегая смотреть на экран. Глаза снова защипало от обиды.

«Не только дура, но и трусиха, стало быть...»

– Девушка, у вас тушь потекла, – хрипловатый голос с ленцой прозвучал словно откуда-то издалека, хотя бармен стоял всего в паре шагов.

Яна вздрогнула.

«Сижу тут зареванная, с красным распухшим носом... Позорище!»

– Так дождь же... – выдавила она и ощутила, как краснеют уши от жалкой и такой очевидной попытки оправдаться.

Сказала – и только потом вспомнила, что вообще не красилась сегодня.

Ей послышался негромкий смешок.

«Шутник у нас? Ну-ну!»

– Тебя спросить забыли! – Яна вскинула голову и с независимым видом уставилась в телефон.

Так и есть, два сообщения.

«Ты забыла лопату».

«Не грусти там».

Яна задохнулась от злости пополам со стыдом. «Не грусти там» – и это все?!

Когда сегодня днем она звонила в такую знакомую обшарпанную дверь, в голове было пусто, слова не шли на язык. Окоченевшую ладонь саднило от шероховатого черенка лопаты.

Боже, что она вообще здесь забыла? Как будто в этой жизни можно хоть что-то вернуть! Дверь распахнулась без малейшей заминки, не дав Яне передумать.

– П-привет!

Он стоял в проеме, такой знакомый и домашний, словно и не было последних двух лет. Мешковатые треники, щетина на лице, и глаза все те же – зеленые, ясные, с теплой золотинкой.

– Привет, Стас. – Яна неловко переступила с ноги на ногу.

– Прох-ходи, в-выпить хочешь?

Ей казалось, или раньше он заикался меньше? Волнуется?

Яна сбросила куртку, прислонила в угол лопату. Наклонилась, чтобы разуться, и помотала головой:

– Нет, спасибо. Не хочу.

Потупившись, она хотела было проскользнуть на кухню (такой привычный маршрут, сколько раз!), но почувствовала, что ее ухватили за рукав.

– погоди, дай хоть посмотреть на тебя!

Яна замерла. Помедлила секунду и подняла глаза.

– Стасик...

Не сказала, а всхлипнула. И тут же, к ужасу своему, ощутила, как морщится лицо, как ручьем бегут слезы.

– Ну ладно тебе, не реви!

Стас неуклюже притянул Яну к себе, обнял крепко и тепло.

– Львенок...

Яна услышала свое старое ласковое прозвище и почувствовала, как рушатся все барьеры. Уже не стесняясь, она отчаянно разревелась, вжимаясь носом в родное плечо. От него пахло сигаретами и самую капельку – туалетной водой, которую Яна дарила ему на день рождения два года назад.

Она не поняла, как это произошло. Просто в какой-то момент ее губы потянулись к губам Стаса, и он тут же ответил на поцелуй.

Не поднимая глаз, не утирая слез, Яна схватила его за руку и потащила в комнату. Остановилась лишь у самой кровати, и то на пару секунд, чтобы стянуть свитер и расстегнуть джинсы.

– Ты уверена?

Голос прозвучал над самым ухом, холодный и отрезвляющий. Но Яна только досадливо мотнула головой. Потянула Стаса к себе, увлекая на постель.

– Ну давай попробуем... – Вот теперь он больше не запинаясь.

Через час Стас откинулся на подушки и довольно протянул:

– Да, это ты удачно зашла.

Судя по голосу, он улыбался.

...Серый пляж, белые корни сосны...

Яна рывком села и выдохнула, все еще не веря собственным ушам:

– Удачно зашла? Да ты вообще помнишь, что у меня случилось?!

Как выяснилось, ссоры тоже не имеют срока давности, дай только повод.

– Ты можешь хоть на минутку побыть человеком? Проявил бы, блин, сочувствие!

– Да ты мне, как бы, шанса не дала. – Стас тоже сел и моментально подобрался, ошети-нился.

– Шанса не дала? А сколько тебе надо давать шансов?!

Яну несло, она ничего не могла с собой поделать, да и не хотела. Она знала: сейчас будет скандал, и потом она пожалеет о том, что сорвалась. Но в тот момент ей было все равно.

На стойку с приступком опустился стакан с виски. Яна тряхнула головой, отгоняя воспо-минание, подняла глаза.

Бармен смотрел на нее в упор, чуть приподняв брови. Его глаза – смеющиеся, с легким прищуром – обжигали беспокойным желтым, совсем звериным огнем.

Она едва не отшатнулась. В голове пронеслось: «У Умы были точно такие же...»

Сердце екнуло. Яне показалось, что ее уносит в какой-то водоворот, вышвыривает из реальности.

Где-то

Двое с рюкзаками идут по перевалу, впереди ползут их неуклюжие горбатые тени. Рассветное солнце золотит мокрые камни, воздух студеной и чистый – дышать легко. Дышать легко, а на палатке сегодня утром лежал иней.

Камни под ногой танцуют, ступать приходится осторожно, плавно перенося вес. Хочешь идти на Север – научись ходить по курумнику.

– А мы не заблудимся?

– Не заблудимся. Здесь дорога одна: по турикам.

Турики – вот они, пирамидки из мелких камней. Обозначают направление тропы, не дают свернуть на коварные осыпи. И как только эти пирамидки удерживаются на ветру, не падают?

– Нам бы только на медведя не нарваться.

– Медведь – еще не самое страшное в этих местах, – легкий бесшабашный смех несется над перевалом, разгоняет тишину и замирает эхом вдали. – Я тебе вечером такую историю расскажу...

Солнце косо падает на камни, двое бредут по перевалу.

Выдох...

Давно забытая (или не существовавшая вовсе?) комната с белыми стенами, матрасом на полу и плетеным креслом-качалкой. В углу непонятным зверем громоздится без дела мольберт, зато все стены разрисованы. За окном зимняя ночь, подоконник завалило снегом. Но это все снаружи, по ту сторону. А здесь горят живым огнем свечи, двоятся в темном стекле. Их много, они совсем разные. Строгие, высокие и белые стоят стражами на пороге ночи. Толстые огарки, пахнущие корицей, – создают уют и согревают тех, кто внутри комнаты.

– Можно, я останусь тут навсегда?

– Сегодня тебе все можно.

Вдох-выдох, глухой удар сердца.

Солнечная дорога пропахла пылью, на обочине – лютики да крапива. Небо фаянсово-синее, в смешных барашках облаков. Плоское, как с детского рисунка, так и не скажешь, что по нему только что летали.

– Спасибо, что ждал меня весь день!

– Я тебя всю жизнь ждал. Неужели не потерплю еще день?

Здесь нет времени, но все равно кажется, будто оно замерло.

В кузове фургона тряска и холодно, хлопающий тент, рев двигателя. Наружу торчит, белеет в лунном свете ворох досок. Прочь убегает ночная трасса, угрожающе шумит темный лес, а из-под откинутого полога тента посверкивает щедрая россыпь созвездий: вот Большая Медведица, а там – Пояс Ориона.

Тепло тела рядом, запах сигарет и счастливый смешок над ухом:

– Привыкай, это теперь и есть твоя жизнь!

Вдох, зрачки сужаются, картинки мелькают все быстрее.

Это чье-то самое живое, настоящее. Летние дни в сосновом лесу, солнечный ветер на трассе, игра во фрисби на берегу залива, осенние вечера у костра, незнакомые дороги и города,

ночи на полу в ярко-желтой ванной, сизый сладко пахнущий дым, олдскульные пластинки и одежда с барахолки, неуклюжие стихи и дикие ночи любви, попутчики, ставшие друзьями, и незнакомцы, так и не ставшие попутчиками, картины, нарисованные на песке, ночные звонки, пропитанные нежностью, глупые пари и умные книги, рассветы на крышах, крепкие напитки и чувства...

И еще уйма всего странного и такого понятного, что не уместилось между двумя ударами сердца.

«И это все мне?!»

Сид

Тишина взвинчена до предела, давит на психику, хочется крикнуть. Ночь за окном совсем темная – даром что белая.

Сид резко откинулся назад. Жалобно скрипнула плетеная спинка кресла-качалки, и поплыли, мерно покачиваясь в полумраке, изрисованные стены. На столе задвоились огоньки свечей.

Впрочем, нынче вечером для Сиды весь мир болтало и без любимого кресла. Мир штор-мило, и за каждым поворотом головы накатывал приступ дурноты.

Сам виноват – не надо было мешать гашиш с коньяком.

Со стены язвительно ухмыльнулся кислотно-сиреневый олень с ветвистыми рогами, увитыми побегами с белоснежными соцветиями.

Сид собственноручно рисовал оленя всю зиму, но, хоть убей, не мог припомнить, чтобы придавал проклятой животине такой зловещий вид.

Но сегодня здесь все равно больше не с кем перекинуться словом.

– Что, приятель? Торжествуешь мое одиночество?

Олень молчал.

Сид фыркнул и потянулся за сигаретами. Закурил и попытался выпустить колечко дыма, но, конечно, губы не слушались, не складывались как надо. Глубоко затянувшись, Сид снова откинулся на спинку кресла, попытался расслабиться.

И в этот момент в коридоре что-то грохнуло, резкий звук ошеломляюще ударил по нервам.

Сид мгновенно вскочил. Сердце зашло в паническом ритме шамады, опьянение мигом рассеялось.

За дверью установилась настороженная густая тишина.

Он прикрыл глаза, силясь успокоить дыхание. За плотно прикрытой дверью комнаты тянется коридор. Длинный, темный и совсем пустой, если не считать антикварного зеркала и пары чугунных подсвечников на стенах. «Что там могло упасть?»

С одной стороны входная дверь, кухня, ванная, с другой...

Сердце снова помчалось вскачь. С другой стороны – наглухо закрытая дверь во вторую комнату. Там уже много лет никто не живет, но стены до сих пор пропитаны запахом лекарств и отчаяния.

«Что могло там упасть с таким грохотом?»

Сейчас он пойдет и проверит. Сейчас. Вот только уймется дрожь в коленках.

Сид нервно провел ладонью по гладкому затылку, шагнул вперед и порывисто распахнул дверь в коридор. Темный, совсем пустой...

Рыжеволосый мальчик стоит в коридоре. Пол холодит голые пятки, стоять в трусиках и майке зябко. И все же мальчик медлит, переминается с ноги на ногу.

Из-под плотно прикрытой двери стелется полоска света. Свет такой уютный и манящий. Еще оттуда доносится музыка. Чарующе-хриплый и невыносимо нежный голос то опускается до вкрадчивого шепота, то крепнет и словно растворяется в звуках гитары и клавишных.

Колыбельная, решил мальчик. Ему показалось, что пели об одуванчиках на летнем лугу.

Наконец собравшись с духом, он толкает дверь и замирает на пороге.

В комнате горит одинокий ночник под рыжим абажуром, тусклый свет смягчает острые углы, оставляя только самое главное.

А главное – это приземистая тахта в дальнем углу. На ней спит, раскинув руки, худенькая девушка в голубом платье.

– Мама!

Мальчик семенит вперед, несмело подбирается к тахте. Снова переминается с ноги на ногу.

– Мама, проснись, – тоненький голос больше смахивает на мышинный писк.

Бесполезно. Девушка спит, только зрачки беспокойно мечутся под закрытыми веками. Вокруг глаз залегли глубокие тени.

Мальчик разглядывает косу с выбившимися из нее белокурыми прядками, потухшую сигарету, зажатую между пальцев. Наклонившись вперед, он тербит мать за плечо:

– Мама!!!

Где-то хлопает дверь, раздаются тяжелые шаркающие шаги, и мальчик испуганно втягивает голову в плечи, опрометью несется к дверям, но уже поздно.

– Ах ты, паршивец! Сколько раз тебе говорили: сюда не шастать?

На пороге застыла суровая прямая фигура в полосатой пижаме. Кустистые брови, седые виски, цепкий взгляд со строгим прищуром.

Мальчик мямлит, слегка заикаясь от волнения:

– Деда, я только на минутку... Я к мамочке.

– Спит мать, не видишь? – Дед откашливается и опускает руку мальчику на плечо. – И пусть себе спит...

Мальчик поднимает голову, пытается заглянуть деду в глаза. Но тот сверлит взглядом тахту, и горько поджимаются губы, и мелко подрагивает гладко выбритый подбородок.

– Деда, а почему ее никак не разбудить? – тихонько спрашивает мальчик.

Тряхнув головой, дед переводит строгий взгляд на внука.

– Потому что ночь на дворе, только ты барагозишь. А ну, марш в кровать, живо!

Мальчик тихонько вздыхает и покорно плетется обратно в холодный коридор. Уже там его настигает голос деда:

– Ты чего вставал-то? Описался снова?

Мальчик виновато шмыгает носом.

– Не беда, боец... Сейчас переоденемся.

Сид стоял в коридоре, судорожно сжимая кулаки.

Хотелось думать, что завтра, в будничном утреннем свете, он будет со смехом вспоминать этот приступ паники. Хотелось, но пока не верилось.

Собрав всю силу воли, он рывком повернулся направо. Пусто, смутно белеет в темноте закрытая дверь. И все та же тишина.

Сид облегченно вздохнул и, уже не спеша, повернул голову влево.

Входная дверь не заперта, язычок замка упирается в косяк.

Все еще не веря своему счастью, на негнущихся ногах, Сид подошел к двери. Легонько толкнул ее и замер в ожидании.

С лестницы потянуло сквозняком, и входная дверь с грохотом захлопнулась, замок снова ударился о косяк.

– Shit! – Сид расхохотался своим обычным легким и чуть нервным смехом.

«Идиот, ты просто не запер дверь. Как всегда...»

Все еще смеясь, покачивая головой, он захлопнул дверь и ощутил, как по телу пробежала жаркая волна. Чувство опьянения вернулось и накрыло с удвоенной силой.

Значит, все снова в порядке. Снова можно вернуться к уютному свету свечей, сиреневому оленю и резному жирафу – его извечным ангелам-хранителям. Сид глубоко вдохнул и побрел в комнату, слегка пошатываясь на ходу.

Проходя мимо зеркала, он на минуту остановился. С внимательным прищуром взгляделся в смутно маячившее отражение.

– Придурок старый! Сколько лет уже, а все темноты боишься...

Сид прыснул, но веселье уже куда-то ушло. Он щелкнул зажигалкой и поднес огонек к глади стекла.

Из зеленоватого сумрака на него внимательно смотрели пронзительные глаза храбрящегося мальчишки. Из глубины расширенных зрачков плеснула паника.

В дрожащем свете зажигалки неожиданно четко вырисовались все его морщинки.

– Надо же, совсем как у Лизы, – Сид озадаченно провел пальцем вдоль краешка губ. – Старый ты стал, buddy. Совсем старый...

Перед глазами встал день на заливе, холодные, сухие, но такие родные глаза. Красная точка, поднимающаяся к облакам, дешевый вкус розового игристого...

И та девчонка в баре. Сид ведь даже не спросил, как ее зовут. И, конечно, она и не подумала взять салфетку с номером его телефона.

Он ощутил острый укол стыда. Как бы то ни было, но Сид ненавидел проигрывать. Теперь он вообще жалел, что оставил ей свой номер.

«Сколько у вас лет разницы, приятель? Пятнадцать или больше? На что ты вообще рассчитывал?»

Зажигалка обожгла руку, огонек погас. Сид чертыхнулся и побрел в комнату.

Ему предстояла еще одна бессонная ночь. Только он и его самый старый, самый верный друг – одиночество. Послать бы куда подальше этого навязчивого приятеля!

Сиду захотелось закричать, разбить что-нибудь. Но вместо этого он только взял в руки телефон и бегло набрал сообщение:

«Я люблю тебя, Лиза. Будь моим счастьем!»

Яна

Она проснулась от того, что чихнула. В комнату, кажется, впервые за лето заглянуло солнце. Косой луч подобрался по подушке к самому Янину лицу, в его свете танцевал целый столб пылинок.

Откинув одеяло, Яна села и протяжно зевнула.

«Умы больше нет».

Остатки сна как рукой сняло, и солнце больше не радовало. Яна обняла себя за плечи, захотелось заползти обратно под одеяло.

Вчера она приехала в общагу совсем поздно, потратив на такси последние деньги. Стараясь не дышать в сторону вахтерши, долго и невразумительно врала что-то насчет затянувшегося совещания на работе.

«Ну да, как будто ты работаешь...»

Без разницы, главное, что пропустили. Яна ввалилась в комнату все еще полупьяная. Не включая свет, стянула куртку и как была – в джинсах и свитере – нырнула под одеяло. Показалось лучше уснуть так, лишь бы не видеть скомканный плед в углу и кучу лекарств на столе.

Но теперь пришло утро и безжалостно высветило всю комнату. Теперь самое время навести порядок.

С безнадежным видом Яна повернула голову в угол. Там было пусто. На столе тоже ни единого пузырька, гладкая лакированная поверхность блестела в утренних лучах.

Яна тихонько ойкнула.

Девчонки, ну конечно... Наверняка еще вчера вечером кто-то из соседок позаботился, прибрал тут все. Пожалели, стало быть.

Яна улыбнулась сквозь набежавшие слезы, на душе потеплело. Не забыть бы поблагодарить!

Горячий душ окончательно привел ее в чувство. Когда Яна вошла обратно в комнату, в пушистом халате, с волосами, замотанными в полотенце, она сказала себе:

– Умы больше нет. Но я-то есть!

Ей отчаянно захотелось позаботиться о себе, чем-то себя побаловать. Если бы еще не пустой кошелек...

В холодильнике было бедновато, но кое-что все же нашлось. Яна откопала пару яиц, помятый помидор, плавленый сырок и еще апельсинового сока на самом доньшке пакета. Сойдет, она и не из такого королевские завтраки готовила.

Полчаса спустя Яна гремела сковородками на кухне, а солнце беззаботно грело облупившийся подоконник с горшком зачахшей герани.

Солнце грело, и весь вчерашний день казался Яне одной сплошной нелепостью. Случайный секс и перепалка с бывшим, красная точка в небе над заливом, толпа на Сенной и дурацкий бар с клетчатым полом...

Только о пляже под хмурым небом и мертвой сосне она старалась не думать. Но философия Яны была проста: что случилось – то случилось и прошлого уже не изменишь. Боль не ушла – она просто залегла куда-то глубоко в сердце. Легче не стало, просто каждый день – это новая маленькая жизнь, ведь так же?

Омлет с помидорами вполне удался, и сока удалось нацедить почти целый стакан. Вернувшись к себе, Яна устроилась за стерильно-чистым столом и с аппетитом позавтракала.

Заканчивался июнь, и вид за окном наконец-то начал соответствовать. До июля оставалась всего неделя, а дел было невпроворот. Общага закрывалась на ремонт, а значит, пора паковать чемоданы. Знать бы еще, куда съезжать... За плечами осталась защита диплома, надо искать настоящую, «взрослую» работу. И хорошо бы вырваться на недельку к маме.

Дожевывая помидор, Яна потянулась за телефоном и открыла электронную почту.

Папка входящие: рассылки с сайтов вакансий, письмо из деканата, анонсы спецпредложений на Озоне... Надо все же чистить почту чаще.

Она лениво листала старые письма, когда в глаза бросился неприметный заголовок. West FX broker – затесалось среди гор ненужного хлама.

Яна обмерла с недоеденным куском во рту.

– Твою мать!

Еще месяц назад она со смехом рассказывала одноклассникам: «Откликнулась на вакансию маркетингового аналитика у пафосных ребят из Штатов...»

Конечно, никто не верил, что придет ответ. Она и сама не ждала. Но вот теперь сидит как дура над письмом двухдневной давности.

Стараясь унять дрожь в пальцах, Яна щелкнула по письму. Конечно, промахнулась, открыла только со второго раза.

Она лихорадочно пробежала по строчкам, выхватывая отдельные фразы: HR department, your c.v., glad to report...

Вот оно! Яна перечитывала одну и ту же строчку раз за разом, чувствуя, как к лицу приливает краска.

Ее хотят пригласить на дополнительное собеседование! Просят отписаться до конца недели.

Яна метнула взгляд на календарь, выдохнула:

– Пятница! Блин, успела...

Уже вечером, рассказав о небывалой удаче всем подружкам и даже позвонив на работу маме, Яна сидела дома в каком-то блаженном ступоре.

«Дура, чуть не упустила письмо!»

Мокрый песок, серый картон, рыжий плед в углу... Ночи недосыпа. Пожалуй, тут и не такое пропустишь.

– Теперь это все неважно, Яныч, – тихо, но твердо проговорила она себе под нос. – Теперь все будет хорошо, я обещаю!

Окно было открыто, комнату наполнял запах скошенной травы, вдали прогремела электричка.

Яна перевела взгляд на розовато-серое небо и неожиданно для себя усмехнулась. Вспомнилось лицо бармена, когда она пошла прочь от стойки. У нее за спиной лежали чаевые и неряшливо скомканная салфетка с его номером. В кармане – телефон с аккуратно переписанными цифрами.

Такие, как он, отказа не ждут. Тем приятнее ставить их на место.

«А все же позвоню ему завтра, вот удивится...»

Яна мечтательно улыбнулась. За окном начиналось лето.

Глава 2

На границе Карелии

18:07, Чупа, Карелия

1017 км до Санкт-Петербурга

– Я не пойму, ты совсем идиот?! А ну посмотри на меня! – Яна даже не старалась говорить спокойно.

Косые солнечные лучи пробивались сквозь кроны сосен, бросая ажурную тень на спины гранитных скал. Прогретый воздух сладко пах хвоей, к дыму костра примешивался запах ганджи. Вдалеке смутно поблескивали ледяные волны залива.

Яна стояла под чужими взглядами, прямо-таки физически ощущая свою неуместность на этом празднике безмятежности. Она сглотнула и покрепче зажала в руке две скомканные бледно-рыжие бумажки.

«Забудь об этих неудачниках! Пусть себе пьются!»

Она с вызовом оглядела чужую компанию, стараясь не смотреть только вправо, в сторону лениво колышущегося пестрого гамака.

У ее ног на цветастом покрывале сидел парень с дредами и скорбным лицом аскета. Зажав в зубах варган, он покачивался из стороны в сторону и тянул один и тот же медитативный мотив.

Чуть поодаль расположились двое, похожие как близнецы. Парень сидел по-турецки, с непроницаемым лицом перелистывая страницы потрепанной книги. Яна почти не сомневалась: это был томик Керуака. Загорелая девушка подле брата безмолвно колдовала над костром, звеня браслетами на тонких запястьях. В углях шипела закопченная медная джезва.

– Кофе? – смуглая ведьма вопросительно изогнула бровь.

– Спасибо, не стоит! – Яна отбросила с глаз выгоревшую прядь волос и нехотя перевела взгляд вправо. – Эй, ты меня вообще слушаешь?!

– Бэби, не нервничай! – Сид лениво потянулся. – Хочешь, иди к нам?

Он снял руку с плеча рыжей миниатюрной девчонки и неуклюже завожился, выбираясь из гамака.

– Ай, ты мне волосы прижал! – пискнула рыжеволосая, но тут же зашлась хрипловатым счастливым смехом.

Яна почувствовала, как краснеет. Она зло сощурилась и закусил губу.

– Так что ты мне хотела сказать? – Сид встал перед Яной, заслоня собой девушку в гамаке.

Яна вскинула голову и в бешенстве уставилась на приятеля: драные джинсы, рыжая щетина на узком лице, сигарета за ухом. Тощий, голый по пояс, татуировка на ребрах – и почти никогда не бывает трезвым.

«Этот никогда не повзрослеет... Но до чего же здорово целуется!»

Выдохнув, она вкрадчиво проговорила:

– Сид! Ты же говорил, у нас поезд в 7:52 вечера?

– Есть такое. – Сид глотнул вина из картонной коробки, едва не поперхнулся и с усмешкой заглянул Яне в глаза. – И?

– А вот тут, – девушка расправила плацкартный билет и остервенело чиркнула ногтем по бумаге, – черным по белому написано: «Отправление – в 17:52»!

– Да ладно?

Сфокусировав взгляд на рыжей бумажке, Сид расхохотался своим до невозможности заразительным смехом.

– Да-а, что тут скажешь! Shit happens, не уследил...

– Идиот! – прошипела Яна.

– Понеслась, – Сид закатил глаза. – Яныч, ну ушел наш поезд. Ничего! Сейчас вот с ребятами покурим, барахло сложим – и айда на трассу. Автостопом домой доберемся быстрее поезда, отвечаю.

– Нет уж! – Яна снова почти кричала. – Никаких ребят и никаких «покурим». Хватит! Живо собирайся!

От костра послышались негромкие смешки.

Яне до смерти захотелось согнать с их лиц эти нагловатые безразличные ухмылки. Вздыхнув, она сделала над собой усилие и заговорила раздельно, по слогам:

– Слушай сюда. Завтра в 16:00 мне надо быть в городе. Это не обсуждается.

– Угу, как скажешь. – Сид зевнул, почесал бритый затылок и подмигнул Яне. – Да ты не кипятишься так. Ну опоздаешь на свой самолет, делов-то! Подождет твой Ки-Уэст...

– Ки-Уэ-э-эст? – парень-музыкант наконец оборвал заунывный мотив и с интересом взглянул на Яну. – Губа не дура у твоей подружки!

– Ага, – Сид хохотнул. – Будет у нас Яночка как Хемингуэй. Под пальмами жить, котов кормить... Не, ну в самом деле. Полетишь послезавтра, никуда твоя Флорида не денется!

Яна почувствовала, как к глазам подступают злые слезы. Она собралась с силами и выпалила:

– Ни хрена, билеты невозвратные! Гульнула напоследок – и хватит, я уезжаю.

Яна удовлетворенно отметила, что голос почти не дрожит, и перевела дух. Обвела присутствующих чуточку высокомерным взглядом и бросила Сиду в лицо:

– Такие вот дела, приятель. Собирайся, фестиваль окончен.

Дернув плечом, она пошла прочь.

День клонился к вечеру. Люди кругом сворачивали палатки, снимали с деревьев гамаки и пестрые флаги. Музыка больше не играла, сцена без аппаратуры опустела. Фестиваль действительно был окончен.

И плевать, что там, за ее спиной, он сейчас обнимает ту рыжую. Домой он уедет с Яной.

20:41, трасса Р-21

1007 км до Санкт-Петербурга

Сид шагал по обочине, насвистывая веселый мотивчик. Видавшие виды кеды на каждом шагу поднимали облачка пыли, рюкзак неприятно давил на обгоревшие плечи.

«Блин, вот тебе и Север – почище Флориды будет!»

Пустынная трасса петляла среди светлого соснового бора, в закатных лучах роились стаи мошкар.

Впереди, шагах в десяти, смешно косолапила Янка. Штанины метут пыльную обочину, клетчатая рубашка повязана на поясе. В выгоревших соломенных волосах застряла пара сосновых игл, большой палец вытянутой руки смотрит в небо. Совсем еще девчонка!

Сид вдруг с удивлением отметил, как в груди его шевельнулась непрошенная щемящая нежность.

Захотелось догнать подругу, провести ладонью по ее волосам, бережно снять иголки. Коснуться губами худенького веснушчатого плеча, а под ключицей у нее смешная родинка...

Вообще-то Сид едва знал эту девчонку, но почти все в ней бесило. Ее неумение ладить с людьми, взбалмошность и настырность довели бы любого. И все же, все же...

Перед глазами снова встал тот дождливый вечер три недели назад. Сид за барной стойкой полирует бокалы.

«Я нашел себя – буду на старости лет мешать коктейли» – так он смеялся, рассказывая о своей новой работе друзьям.

Друзья тоже смеялись. Уж они-то отлично знали, что еще ни на одном месте он не продержался дольше месяца. Сид Перекасти-Поле – так они его звали.

Тем вечером шел футбольный матч: играл «Манчестер». Сам Сид никогда не понимал футбол. Подавив зевоту, он поудобнее перехватил полотенце и потянулся за следующим бокалом.

– Бармен, виски! – звонкий вызывающий голос прозвучал так неожиданно, что резанул ухо.

Сид поднял глаза. Говорила взъерошенная белоголовая девчушка лет двадцати.

– Пожалуйста, – добавила она, чуть съездившись под его взглядом.

– Девушка, у вас тушь потекла, – сказал он и плеснул в стакан на два пальца золотистой жидкости.

Подумал и чуть разбавил водой.

– Так дождь же... – пожала плечами гостья, но тут же будто опомнилась и повысила голос. – Тебя спросить забыли!

Сид покосился на девчонку. Вроде не пьяная – просто оборзевшая. Он с приступком поставил стакан перед нахалкой и повернулся к ней спиной.

Девчонка просидела за стойкой весь вечер. Цедила свой виски и неотрывно пялилась в телефон.

Сиду она даже не понравилась. Но когда она попросила счет, он зачем-то второпях нацарапал на салфетке номер телефона. Положил перед ней на стойку и подмигнул:

– Позвони, как хорошим манерам научишься.

Перед самым закрытием бара девчонка ушла, оставив под пустым стаканом чаевые. Рядом валялась скомканная салфетка. Сид досадливо поморщился: он почувствовал себя униженным.

Через два дня она позвонила. И вот, три недели спустя, они бредут по трассе в Карелии, и вечернее солнце немилосердно жжет им плечи.

– Эй, не отставай! – Яна оглянулась на ходу.

Их взгляды встретились, Сид улыбнулся девушке. Секунду помедлив, Яна усмехнулась в ответ, глаза ее неожиданно потеплели.

– Янка, ты красивая, – проговорил Сид негромко, продолжая улыбаться.

Мимо с грохотом пронеслась фура.

– Что? – Яна потрясла головой, явно не разобрал.

Сид махнул рукой: неважно! Шагать по пыльной трассе вдруг показалось легко и светло.

На обочине притормозила помятая девятка с местными номерами.

– Берут, Сид, берут!

Яна вприпрыжку припустила к машине. Сид ускорил шаг и оттер подругу от двери с опущенным стеклом.

– Садитесь, километров пять подброшу! – Водитель гостеприимно сверкнул золотым зубом.

– Нет, спасибо! Нам дальше. – Сид махнул рукой, отступая обратно к обочине.

Водитель буркнул что-то неразборчивое и дал по газам. Ребят обдало облаком пыли и бензиновой вонью.

– Ты что творишь? – зло зашипела Яна. – Совсем debil?! Ты это нарочно?!

Сид вздохнул, сдерживаясь.

– Яночка, – он постарался улыбнуться ей ласково, как маленькому ребенку. – Ты на часы смотрела? Между прочим...

– Да, смотрела! И знаешь что?!

Сид поморщился: Яна снова на него почти орала.

– Через двадцать два часа закрывается регистрация на самый важный в моей жизни рейс! Так как ты думаешь, – она театрально развела руками, – я хочу быть здесь или в той машине?

Сид выдержал паузу и продолжил ровным голосом – так, словно его и не перебивали.

– Стемнеет скоро, по темноте никто подбирать не станет. Машины надо длинные ловить, чтобы на всю ночь. Поняла теперь?

Яна сузила холодные, отливающие серым металлом глаза, приблизилась к Сиду и уперла палец ему в грудь.

– Мы из-за тебя вообще никуда не уедем! Следующая же машина наша, без никаких!

Сид покосился на палец с обкусанным ногтем: покрасневшая на солнце грудь саднила от прикосновения.

– О'кей, маленький босс. Как скажешь...

Яна удовлетворенно хмыкнула. Спор был окончен: она развернулась и победно зашлепала по обочине. Даже не обернулась проверить, идет ли Сид.

Он сокрушенно потянул из-за уха сигарету.

«Вот устроила головняк. В следующий раз надо с хиппушкой мутить...»

21:50, поворот на Лоухи

980 км до Санкт-Петербурга

– Сид! Что делать-то будем?

Яна стояла, зябко обхватив себя за плечи, и вглядывалась в сумерки. Дорога была удручающе пуста.

Сначала все шло хорошо. Сид больше не спорил насчет машин, и Яна молча шагала впереди, наслаждаясь победой. Солнце весело выглядывало из-за верхушек сосен, и душу заполняла глубинная уверенность: они все успеют.

Скоро трасса сделала очередной виток, и они оказались в зоне дорожных работ. Пахло мазутом и горячим асфальтом, шумела техника. Почему-то Яну рассмешила вся эта городская суета посреди леса, в девять вечера.

Когда на обочине затормозил автобус, девушка и вовсе воспряла духом. Автобус выглядел совсем допотопным, но зато словно светился розоватым светом в закатных лучах.

– Вот это hippie-bus, как по заказу, – присвистнул Сид.

Дверь открылась, и Яна шустро заскочила внутрь. За рулем приветливо улыбался кряжистый седой мужик, на сиденьях сзади были накиданы какие-то тросы и гора оранжевых спецовок.

– Здрасьте, – Яна робко улыбнулась. – А вы далеко?

– Да не стой в дверях, заходи, – водитель махнул рукой. – Километров двадцать подбросим.

Благодарно кивнув, Яна шмыгнула внутрь салона. За водительским креслом восседала, царственно потрясая тройным подбородком, матрона в синем столовском переднике. У ее ног утвердились два бидона внушительных размеров.

– Ой, детишки, – изумилась матрона. – А вы чего тут?

– Тетенька, здравствуйте! – смешно прогнусавил Сид. – А мы тут путешествуем, прямо как Чук и Гек...

Яна недоуменно оглянулась и почувствовала, как у нее краснеют уши. Сид стоял навывтяжку, сложив губы трубочкой и сделав умильное выражение лица.

«Дебил великовозрастный! Того и гляди слюни пустит».

Ощутимо наступив приятелю на ногу, Яна злобно прошипела в его сторону:

– Идиот! Не юродствуй!

– Ай-ай, ты мне ногу отдала! – тут же принялся блажить Сид, запрыгав на одной ноге.

Как ему удавалось при этом сохранять равновесие в движущемся автобусе, да еще и с рюкзаком на спине, для Яны оставалось загадкой.

Чувствуя, как теряет остатки самообладания, она протиснулась на одно из задних сидений и демонстративно отвернулась к окну.

Сид между тем, завершив представление, с невинным видом покосился в сторону бидонов:

– Как же вкусно тут у вас пахнет... Прямо по-домашнему!

– А я смотрю, ты парень не промах, умеешь нос по ветру держать! – повариха разразилась басовитым смехом. – Угадал, мы обеда рабочим ночной смены развозили.

Смерив Сид добродушным взглядом, тетка расплылась в покровительственной улыбке:

– Давай миску, пока не совсем остыло! Хоть подкормить тебя, а то тощий такой...

«И за что, спрашивается, его все бабы так любят?!» – свирепо подумала Яна, сползая пониже и наблюдая за приятелем из-за спинок сидений.

– Спасибо, вовек не забуду вашей доброты! – Сид прижал руку к сердцу и изобразил сомнительное па, в тряске автобуса сошедшее за расшаркивание.

«Вот за то и любят, видимо...»

Уже через минуту Сид опустошал миску, на все лады нахваливая стряпню. Автобус наполнился дивным ароматом борща. Яна сглотнула.

«Спорю, про меня и не вспомнит! Лишь бы самому пожрать...» – злые мысли помогали отвлечься от сосущего чувства голода.

– Я-а-аныч, а ты чего там?! Давай подгребай, пока угощают!

Секунду помедлив, Яна выбралась из-за сидений. Она испытывала смесь облегчения с досадой.

Все хорошее быстро кончается – кончились и те двадцать километров в солнечном автобусе. Теперь они уже битых полчаса торчали на обочине, и притихшая в сумерках трасса выглядела пугающе. Яна передернула плечами.

– Ау, ты там уснул?

Оглянувшись, она сжала кулаки в бессильной злости. Сид растянулся на рюкзаке и потягивал вино из коробки, флегматично глядя в небо.

– Янка, не суетись. Будет как будет.

– Ты серьезно?!

Резким движением Яна вырвала коробку и запустила ее по кривой дуге в кусты.

– Алкаш конченный. Достал!

– Девочка, мы знакомы без году неделю, – недобро сощурился Сид. – Не много ли на себя берешь?

– Повзрослей, наконец, придурок! – презрительно фыркнула Яна.

Сид сел. Теперь он смотрел на нее в упор, и в его глазах зажглись зловещие огоньки. Яна попятилась. Она почувствовала себя не в своей тарелке.

Сид негромко заговорил, делая паузы между фразами:

– Значит так. Я предупреждал, что так будет? Предупреждал.

– Да я же... – начала было Яна.

– Закрой рот. Я не закончил.

Яна послушно умолкла. Она еще не слышала, чтобы дурашливый безобидный фрик Сид говорил вот таким голосом.

– Я сказал, что так будет. Тебе было насрать. Теперь мы застряли, и я крайний? Прикалываешься?

Склонив голову набок, Сид криво усмехнулся и закончил:

– Вообще, ты забавная. Но вот лечить меня не смей. Поняла?

Яна закусила губу. Ситуация была паршивая сама по себе, а теперь все вообще покати-лось к чертям.

– Зачем ты меня вообще позвал на этот фестиваль?! Если я тебя так бешу!

Сид закурил и откинулся обратно на рюкзак. Выдохнув в небо колечко дыма, он безмятежно протянул:

– Да по пьяни позвал. Я ж не думал, что ты правда поедешь.

Яна почувствовала, как из глаз брызнули горячие злые слезы. Она резко отвернулась, пряча лицо.

«Я думала, что кое-что значу для тебя!»

Конечно, она промолчала.

Из-за поворота показалась, натужно гудя, груженная «газель».

Яна подалась на проезжую часть, нетерпеливо трясая вытянутой рукой. Машина притор-мозила. Девушка проворно распахнула дверь:

– Здравствуйте! Мы в Питер...

– Садитесь, – рыхлый темноволосый парень махнул рукой. – Я до Петрозаводска.

Забравшись на заднее сиденье, Сид надвинул на лицо капюшон толстовки и буркнул:

– Я спать. Разбуди, как устанешь.

Яна досадливо дернула плечом и протянула руку водителю:

– Яна, будем знакомы!

Парень кивнул, трогаясь:

– Артем. Ну развлекай, что ли – нам до утра ехать.

Яна безнадежно вздохнула. Кажется, ночь предстояла долгая.

23:50, 14 км дороги Кемь-Калевала

830 км до Санкт-Петербурга

Яна подавила зевок. В кабине уже минут десять царило тягостное молчание.

Артем оказался не лучшим собеседником. Грузный и весь какой-то напряженный, он то и дело посматривал на Яну странным взглядом. Нервничая и злясь, она старательно улыбалась и выдавала заученные реплики про погоду, дорогу и политику. Однако постепенно фразы начали повисать в воздухе, и теперь тишину кабины оживлял только монотонный гул двигателя.

Яна скосила глаза на часы на приборной доске. Нужно было говорить, но говорить было уже не о чем. Кашлянув, она подала голос:

– А сколько до Петрика осталось, Тём?

Неуклюжая попытка возобновить беседу: вопрос остался без ответа.

Но через пару минут машина плавно съехала на обочину. Под колесами заскрипел гра-вий. Сзади завозился, но не проснулся Сид.

«Дрыхнешь, халявщик! Кто бы сомневался...» – раздраженно подумала Яна.

Артем открыл дверь и потянулся:

– Тормознем. Размяться надо.

Снаружи царила прозрачная белая ночь, на дороге было пусто. Яна выпрыгнула наружу и зябко поежилась. Воздух был совсем холодный. Она принялась бесцельно бродить по обочине, пиная камушки. Вдалеке запел соловей.

– Куришь?

Не оборачиваясь, Яна мотнула головой и начала было отвечать:

– Нет, не курю, я...

– Эй!.. – настойчиво окликнул Артем.

Она оглянулась. Парень стоял в паре шагов, задумчиво крутя в пальцах крошечный сверток фольги.

Яна занервничала.

– Это то, о чем я думаю? – она едва заметно поморщилась, услышав собственный напряженный голос.

– Гашиш, просто улетный, – осклабился Артем. – Так куришь?

– Вообще-то я против наркотиков.

Яна переступила с ноги на ногу и слегка воинственно подалась вперед, готовясь к спору.

Сид бы сейчас сказал: «Дура ты – дура и есть! За фига ссориться с драйвером на пустой трассе, где никто потом не подберет?»

Яна мысленно отогнала от себя голос Сиды. Хотя, конечно, он был прав.

Артем выжидательно смотрел на нее. Сделав над собой усилие, Яна улыбнулась и смягчила голос:

– Я никогда не пробовала...

– Гонишь? – Артем приснул. – Что, вся из себя правильная?

Яна замялась. Секунду поколебавшись, она оглянулась на кабину «газели». Сид посапывал, прислонившись к стеклу. Из рта свесилась тоненькая ниточка слюны.

«Какого черта?! Знаю я, что бы сейчас сделал Сид. Устроил бы балаган, сам напрашиваясь курнуть с машиной!»

Яну так и обожгло желание отомстить Сиду за все прошедшие три дня. Те три дня, что она была предоставлена сама себе и вынуждена еще и приглядывать за приятелем, как бы не натворил дел.

В памяти всплыл унижительный эпизод: Яна с Сидом грелись у костра, тесно прижавшись друг к другу и укутавшись одним на двоих пледом.

С момента приезда на фестиваль это был первый раз, когда Сид предпочел Яну соседской компании с рыжей девчонкой.

Задумчиво глядя в пламя, Яна улыбнулась и промурлыкала:

– Хорошо-то как...

Сид повернул голову, лукаво уставившись на подругу в упор. Его губы оказались совсем близко от ее щеки. Яна ощутила тепло внизу живота.

– Бэби? Хочешь, потрипую?

– Что?! – Яна резко повернулась к Сиду и распахнула глаза. – Что ты?..

Сид усмехнулся. Его дыхание буквально обожгло щеку Яне.

– Да я из Питера с собой привез. На двоих захватил.

Внутренне ошетилившись, Яна отодвинулась подальше и твердо сказала:

– Нет, лично мне и так хорошо.

– Ага. Ну как знаешь. – Сид зевнул.

Помедлив пару секунд, он легко поднялся и бросил:

– Ладно, я пойду тогда. Ложись, меня не жди.

Яна молча слушала, как у нее за спиной стихал звук шагов. Через полминуты от соседнего костра раздался восторженный взвизг:

– А-а-а, Сид! Иди сюда, чувак, обниматься будем!

«Не уходи. Пожалуйста...»

Яна прикусила задрожавшую губу.

Яна решила.

«Да пропади оно все пропадом! Сегодня моя очередь оттянуться!»

Она наигранно улыбнулась и махнула рукой:

– Ну давай, уговорил.

Артем ухмыльнулся, шагнул обратно к машине и скрылся в салоне.

Вскоре он вернулся, сжимая в мясистой пятерне закопченную пластиковую бутылку.

– Вот, смотри, как это делается...

Через пять минут Яна стояла, напряженно вглядываясь в глаза водителю. Тот явно начал расслабляться: лицо выглядело значительно добрее.

Или ей это только кажется?

– А ты рисковая, – хохотнул Артем.

– В смысле? – все еще слегка воинственно переспросила Яна.

– Забей. Поехали уже.

Вздыхнув с облегчением, она забралась в салон. Нутро «газели» встретило ее ласковым теплом. На заднем сиденье тихо посапывал Сид. Яну накрыло чувство уюта. Машина плавно тронулась.

Они покатали вперед, постепенно набирая скорость. За лобовым стеклом монотонно вилась дорога, вдоль нее застыли призрачные стражи-сосны. Колдовская белая ночь была прозрачна, из открытого окна тянуло чем-то волнующим и несбыточным.

Яна мечтательно улыбнулась. Еще раз обернувшись, она с нежностью взглянула на своего приятеля. Во сне его худое лицо расслабилось, губы чуть тронула усмешка. Морщины разгладились, и Сид стал похож на мальчишку.

– Питер Пэн... – Яна удивилась, услышав, как тепло прозвучал ее голос.

– Что говоришь? – переспросил Артем.

– Как он тебе? – она кивнула в сторону задних сидений.

– Кто – этот? Да додик какой-то... – фыркнул парень.

Яна посуровела. Подавшись вперед, она заглянула водиле в лицо.

– Артем. Тема. Вот скажи, ты в гадания веришь?

– В смысле. – Парень нахмурил ершистые темные брови.

– Ну, вот смотри, – проникновенно начала Яна, – люди на картах гадают. На судьбу, на желания, на суженого...

– Ты прям как моя бабка, – хохотнул Артем.

– Не отвлекайся! – Яна шутливо хлопнула его по плечу.

– Лучше зацени. Мне вот его, – Яна вновь мотнула головой в сторону заднего сиденья, – еще в детстве подружка обещала!

– Не понял.

– Ну она мне на картах гадала. На любовь, значит... – Яна снова мечтательно улыбнулась. – Сказала, выйду замуж за рыжего! Представляешь?!

– Так он же лысый – при чем тут рыжий? – Артем поморщился. – Не грузи, а?

– Да пожалуйста...

Она обиделась и умолкла. Несколько минут прошло в молчании. Машина постепенно набирала ход.

– Слушай, – невпопад хихикнула Яна. – А мы не слишком разогнались? Шоссе петляет, а ты прямо по центру едешь...

Артем повернул голову и несколько секунд внимательно смотрел на Яну. Потом, пожав плечами, все же медленно сбросил скорость.

Яна успокоилась и откинулась на спинку кресла. Постепенно ее стало клонить в сон.

– Я немного посижу с закрытыми глазами, ты не против?

– Валяй, – судя по голосу, Артем ухмыльнулся.

Уже проваливаясь в мутную тяжелую дремоту, она ощутила на своем колене чужую руку.

– Сид?... – сонно пробормотала Яна.

00:10. Заправка ЛУКОЙЛ

760 км до Санкт-Петербурга

Сид проснулся от того, что машина остановилась.

Выныривать из теплого уюта забыть не хотелось: во сне он вразвалочку шагал по солнечной набережной Ки-Уэста. К вечеру немилосердная жара отступила, закат горел неприлично ярко, а в ближайшем баре его ждала Янка. Это для нее Сид нес на плече гитару: сегодня вечером он будет играть регги, а Яна – наворачивать свое любимое клубничное мороженое.

Не открывая глаз, Сид потянул носом воздух. Пахло застарелым табачным дымом, соляной и, кажется, поражением.

«Да уж, старушка-реальность умеет быть жестокой. Спасибо хоть похмелья нет!»

Поежившись, он разлепил глаза. Стянув капюшон, выглянул в окно: заправка, кафе «24/7», небольшая стоянка грузовиков.

– Что там у нас, перекур?

Сид поморщился. Голос со сна был хриплый и все еще отдавал обреченностью.

Водила что-то неразборчиво буркнул под нос и обернулся. Сиду показалось, что выглядел парень не слишком приветливо.

«Вымотался бедолага – весь вечер с Янкой один на один!»

Отводя глаза, Сид досадливо дернул щекой. Даже в мыслях он не мог не зубоскалить – старая привычка.

– Браток, не в падлу будет, за кофе сгоняй? – водитель перегнулся через сиденья, протягивая сложенные купюры.

– Да не вопрос. – Сид потянулся и зевнул. – Яныч, ты как там?

– Шоколадку еще хочу! – капризно протянула девушка.

«Докопалась на ровном месте, устроила скандал, а потом... На тебе – „Шоколадку хочу!“ Женщины...»

Покачав головой, Сид выпрыгнул из машины.

Зайдя на заправку, он окинул взглядом безликий торговый зал, залитый дежурно-ярким светом ламп. Мельком глянул на часы на стене, прикинул, сколько должно было остаться позади километров. Получалось неплохо.

Зацепив по пути сникерс со стойки, Сид подошел к прилавку и окликнул кассиршу, клевашую носом над журналом:

– Девушка, у вас почему профиль такой аристократичный?

Девица заторможенно подняла голову и остановила на нем взгляд глаз, наводивших на мысли о рыбьем брюхе.

Скосившись на бейджик, Сид приветственно подмигнул:

– Что читаем, Алена?

Голова кассирши качнулась в подобии милостивого кивка:

– Какой у вас будет заказ?

– Три кофе и сникерс, вот, – Сид выложил на прилавок свернутые купюры и шоколадку. – Так что читали?

Возясь с кофемашиной, девушка бросила на него уже чуть более осмысленный взгляд.

– А вам, собственно, зачем?

Сид сунул руки в карманы и потряс головой, силясь отогнать невесть откуда поднявшееся раздражение. Улыбнулся своей чуть дурашливой улыбкой, которую всегда так любили женщины:

– А мне, знаете ли, по долгу службы положено все о красивых девушках знать!

– Надо же. – Алена смотрела серьезно, без тени кокетства. – И кем вы работаете?

– Гинекологом, – резковато бросил Сид.

Девушка поджала губы:

– Вот ваш кофе.

Сид поморщился.

«Что это я? На пустом месте завелся. Хватку, что ли, теряю?»

– Спасибо, Аленушка! Сдачи не надо...

Сид кинул прощальный взгляд на кассиршу и устремился к выходу. Хотелось курить.

«Блин, стаканчика три – как нести буду?»

Натянув на ладони рукава толстовки, Сид кое-как подхватил все три бумажных стаканчика и понес, обжигаясь. Толкнул коленом дверь, вышел наружу, торопливо устремился к машине.

И встал столбом, не дойдя пары метров.

За стеклом, в кабине, творилось невероятное. Водитель целовал Яну в шею, а девушка застыла, морщась и закрыв глаза.

Буквально за долю секунды откуда-то изнутри взметнулась глубинная животная ярость. Наружу рвалось обжигающее желание выволочь этого хмыря из кабины, одним махом вышибить ему зубы, повалить на асфальт и бить – бить, пока тот не перестанет дышать.

Видят боги, Сид никогда не нарывался без повода. Но только не здесь.

«Убью сукина сына!»

Стаканчики полетели вниз, кофе выплеснулся на асфальт. Сид не помнил, как бросился к машине, не помнил, как до боли сжал кулаки. Преодолев оставшиеся метры одним прыжком, рванул на себя дверь:

– А ну отвали от нее, мудака!

– Сид! – Яна вяло подалась навстречу. – А я тут...

Схватить ублюдка за грудки, сгрести его мятую вонючую футболку в кулак, вторым кулаком вышибить из паршивца дух...

И тут Янке стало плохо. Поднеся ладонь ко рту, она завалилась вбок. В считанные секунды взгляд остекленел, девушка часто-часто задышала носом. Ее начало крупно трясти от рвотных позывов.

Сид с нарастающим ужасом смотрел на стремительно сереющую кожу подруги и крупные капли пота на лбу.

– Урод, ты что ей дал? – прорычал он, с ненавистью впившись взглядом в лицо водилы.

«Какой же я идиот! Чем она перекрылась?! Амфетамин, кислота, колеса? Все что угодно...»

Водитель явно запаниковал. Глаза забегали, он судорожно сглотнул.

– Ничего я ей не давал! Шел бы ты... – голос нервный, блеющий.

– Пиздец тебе, мразь, – процедил Сид.

Скрючившись на сиденье, Яна уткнулась носом между колен. Ее начало рвать.

– Да ёшки-матрёшки! Събла отсюда! – неожиданно взвизгнул водитель, выталкивая девушку из кабины.

Сид вовремя подставил руки. Выкатившись наружу, Яна, кажется, отключилась и безвольно обмякла в его объятиях.

Вся ненависть в Сиде погасла. Теперь важным было только это ощущение тяжести в руках, тепло девичьего тела.

– Яныч, держись! Я здесь.

Прижимая девушку, Сид убрал от ее лица спутанные потные пряди, похлопал по щекам.

Резко газанув, грузовик проехал пару метров, на секунду притормозил – из открытой двери полетели пожитки ребят – и с ревом умчался.

Сид всего этого уже не видел. Он панически тряс Яну.

– Давай, малыш, не спать! Ну же...

00:20. Заправка ЛУКОЙЛ

760 км до Санкт-Петербурга

Яну мучительно рвало. Казалось, желудок сейчас вывернется наизнанку, с губ капала тягучая горькая желчь.

Хуже всего было то, что все это время ее придерживали за плечи, не давая упасть. Заботливые руки отводили назад волосы и гладили по голове, над ухом звучал знакомый ласковый голос:

– Лады, теперь водички глотни. Ну ты, глупыш, напугала меня!

Она хотела оттолкнуть Сиду, но сил едва хватало на то, чтобы держаться на ногах. В голове мутилось, тело била дрожь.

– Полегчало? Давай за мной тогда.

Всхлипнув, она доверчиво вложила ладошку в такую теплую надежную руку и послушно заковыляла следом. Впрочем, идти пришлось недалеко – у входа на заправку обнаружились скамейка со столом.

– Садись, подыши-ка! И никуда не уходи, я скоро!

Опустившись на скамью, Яна тупо уставилась перед собой. В ушах шумело, клонило в сон. Следом за дурнотой накатило тяжелое забытие.

Перед глазами мелькают воспоминания. Снова подходит к концу первый день фестиваля, Яна с Сидом стоят возле главной сцены. В прохладном воздухе растворяются звуки теплого регги, в такт которого танцуют люди. Ближе всех одна девчонка: изгибаясь плавно и дико, как камыш на ветру, она движется, словно забыв обо всем на свете. Медные волосы горячо светятся в вечерних лучах, очки с зеркальными стеклами скрывают половину лица.

Вскидывая руки, она тянется к небу и зазывно откидывает голову.

– Да, пожалуй, мне тут нравится. – Сид закуривает, пряча довольную улыбку.

– Ну да, мне тоже! – бросает Яна с легким вызовом.

Откинув волосы, она посылает Сиду чуточку озорной взгляд:

– Может, потанцуем?

– Давай потом, – Сид отвечает краешком губ, не поворачиваясь к Яне.

Между тем музыка со сцены стихает, мелодия замирает на тревожном аккорде.

Эффектно завершив танец, девчонка встряхивает своей огненной шевелюрой. Замерев на секунду, рыжеволосая расслабляется и лениво шагает вперед. Взгляда под очками не поймать, но она направляется прямо к Сиду.

– Угостишь сигареткой?

Яна вздрагивает при звуках этого грудного, чуть хриповатого голоса.

Молча улыбаясь, Сид достает из пачки сигарету. Прикуривает ее, глядя на рыжую поверх огонька зажигалки.

– Держи, сестренка, – он вкладывает раскуренную сигарету ей в губы каким-то особенно бережным и даже нежным жестом.

– Меня Кармой зовут. Заходи к нам вечером в лагерь, найдешь меня.

Затянувшись, девчонка снимает очки и смотрит на Сиду внимательным ищущим взглядом.

Яна неосознанно подается вперед и заглядывает рыжей в глаза. Зрачки девчонки расширены, цвета глаз даже не разобрать. Яне становится не по себе.

Чуть дернув плечом, Карма уходит, быстро растворяясь в прозрачных заполярных сумерках.

– Блин, прямо вылитая моя бывшая! – выдыхает Сид.

– Ненавижу, – тихо цедит Яна.

- Что говоришь? – Сид вновь не поворачивает к ней головы.
- Да вот такой неадекват ненавижу! – бросает Яна чуть громче, чем следовало.

Сид с секунду стоит молча, а потом хохочет. Его смеющиеся глаза направлены вверх Яны, на солнце, плавно уходящее в волны залива.

- Ничего ты не понимаешь! Учись расслабляться. И людей любить тоже учись.
- Яна молчит.

Словно где-то вдалеке раздался настойчивый голос Сиды:

- Малыш, подъем! Давай, тут недалеко.

С усилием разлепив глаза, Яна потрясла головой.

Метрах в пятнадцати стоял заведенный «КамАЗ» с гостеприимно распахнутой дверью.

- Это что, за нами? – обалдело охнув, девушка поднялась на ноги.

В кабине фуры было тепло и накурено, приборная доска уставлена иконами и образками.

Седой дальнотойщик в тельняшке гостеприимно улыбнулся Яне:

- А вот и спящая красавица. Меня Русланом звать. Давай, полезай назад!

За сиденьями обнаружилась узкая, но мягкая койка, застеленная цветастым полотенцем.

Испустив облегченный вздох, Яна растянулась на чужой постели и закрыла глаза. Было уютно, задавать вопросы не хотелось.

- Не мерзнешь? На вот, накинь, – шепот Сиды раздался прямо над ухом.

Плечи укутала согретая чужим теплом толстовка. Яна потерлась щекой о пропылившуюся ткань и неслышно промямлила уже в полусне:

- Тобой пахнет... Спасибо.

02:15, трасса Р-21

510 км до Санкт-Петербурга

Сид потянулся, хрустнув шейными позвонками. Судорожно взревывая, «КамАЗ» только что преодолел очередной покатый подъем.

– Тачка у тебя – монстр. Небось, постарше меня будет? – Сид закурил и вопросительно улыбнулся водителю.

– А как же – она еще перестройку помнит! – Руслан заулыбался, любовно поглаживая выцветший пластик приборной доски. – Всю семью кормит, ласточка моя!

- Я тоже и перестройку, и «совок» вполне себе помню, – ревниво заметил Сид.

Он вдруг понял, что водитель держит его за ровесника Янки. Это было неожиданно обидно.

- Да ну? Это сколько тебе? – Руслан недоверчиво приподнял брови.

- Возраст Христа, плюс-минус три года, – заученно хмыкнул Сид.

Эта фраза за последние годы успела стать настолько привычной и надоесть, что он вдруг решил больше не использовать ее. Помолчав, он пояснил:

- Тридцать шесть почти.

- Хорошо сохранился, парень! – присвистнул водитель. – Так ты и женат, наверное?

«Бог миловал» – тоже привычный, уже набивший оскомину ответ.

- Да нет, по-другому, – Сид отчего-то почувствовал себя глупо.

– И детей нет? У меня вот две дочки, – отогнув козырек над лобовым стеклом, Руслан кивнул на пару выцветших фото.

– А насчет детей я и не знаю, – сглотнув, Сид неожиданно для себя ответил чистую правду.

Ему показалось, что водитель сейчас неодобрительно покосится на него. Но нет, тот только хмыкнул как-то снисходительно и потянулся за пачкой «Примы».

- Значит, не нагулялся еще... Прямо как я после армии.

– Я и не служил...

«Сидевших же в армию не берут».

Договаривать фразу не захотелось. Сид понял, что ему почему-то очень важно, что о нем подумает этот седой мужик с мозолистыми ладонями и простой житейской мудростью в блекло-голубых глазах.

Сид кашлянул и закончил:

– Не знаю, как-то так вышло – до двадцати семи бегал.

– А дальше что? – Руслан выпустил облако сизого вонючего дыма.

– А дальше – то же самое. Бегаю... От работы, от женщин, от обязательств. Устал уже бегать, а остановиться все не могу. Ерунда какая-то.

Сид говорил неожиданно для себя просто, без прикрас и обычной рисовки. Он почувствовал, что любой другой тон сейчас прозвучал бы фальшиво и оскорбительно.

Руслан задумчиво покивал и неожиданно сменил тему:

– Кто она тебе? Подруга?

– Она? – Сид мотнул головой назад. – Да какое... Мы и месяца не знакомы. Она меня ненавидит.

– Ну и козел.

– Наверное.

На Сиды накатила усталость.

– Знаешь, парень, – Руслан говорил как-то особо задушевно, сосредоточенно хмурясь в лобовое стекло. – Вот пожил бы ты с мое, научился бы ценить настоящее. Ну, гулянки твои, пьянки, девки – к чему это все? Оглянуться не успеешь, время пройдет – захочешь, чтобы свой угол был, чтобы родная душа дома ждала. Опять же, заботиться о ком-то... Нет, брат, повидал бы ты с мое – ты бы сейчас не чудил!

Сид почувствовал себя несправедливо обиженным мальчишкой. Захотелось возразить, что неправда это, будто вся его жизнь – сплошной пустяк. Ведь было же и настоящее: поиски себя, вдохновение, свобода...

Перед глазами замаячили образы: вот ему тринадцать, и снова надо поменять простыню под парализованным дедом. Матери опять нет дома уже третьи сутки, а вся комната пропиталась запахом лекарств и мочи. Вот его быют пацаны в десятом классе. А вот его взяли на горячем: камера СИЗО, бесплатный адвокат... Нет, об этом лучше не вспоминать.

Да нет, было же и хорошее! Вот он читает стихи той итальянке на коммунальной кухне, а за окном зыбко маячит в предрассветных сумерках Средний проспект. А вот бросил очередную работу и ушел пешком на Черное море. Это было как раз после той попойки в гримерке Театра Комедии, году так, постойте, в 2002-м?

Молчание в кабине затягивалось.

– И что же ты повидал? – Сид тоже смотрел прямо перед собой.

Тот ответил без задержки, словно только и ждал вопроса:

– Чечня, вторая кампания. Три года по контракту чертей гонял. Лучшего друга там потерял. А семь лет назад жену схоронил. Теперь дочек один вот рашу...

Голос Руслана стал словно чужим, механическим. Он перечислял жизненные утраты без рисовки и горечи, просто констатируя факты.

Сид молчал. Он не знал, что сказать.

Через пару минут Руслан заговорил снова, уже своим обычным голосом:

– Ты вот можешь сделать хоть что-нибудь, чтобы она тебя не ненавидела?

Сид вздрогнул и оторвал взгляд от лобового стекла. Оглянулся назад – Янка спала, свернувшись клубочком. Такая маленькая и беззащитная и такая доверчивая. Сиду стало ее жаль. Он сглотнул комочек и выдавил:

– Да, одну вещь точно могу.

«Только если я это сделаю, то больше никогда ее не увижу», – он не стал договаривать мысль вслух.

– Ну так что же, брат? – Руслан повернулся к нему, глядя выжидающе и даже словно бы оценивающе.

Сид достал из кармана телефон и бросил взгляд на часы. Оставалось двенадцать часов и пятьсот километров.

Он заговорил неохотно, ощущая, что сжигает мосты и берет на себя, возможно, невыполнимые обязательства:

– Сделаю. Наизнанку вывернусь, но сделаю.

Руслан удовлетворенно хмыкнул.

Дальше ехали молча. Рев мотор, тянется, не кончаясь, северная белая ночь.

04:20, объездная Петрозаводска

443 км до Санкт-Петербурга

– Подъем! С вещами на выход! – бодрый голос Сиды бесцеремонно разбил сон, в котором Яна снова была маленькой и лепила с бабушкой вареники.

Еще ничего не успев толком сообразить, она выпрыгнула из кабины «КамАЗа». Сид с рюкзаками выкатился следом.

Посигналив на прощание, фура тронулась, унося с собой теплый уют кабины и Янин недосмотренный сон.

– Где мы? – спросила она, сонно таращась по сторонам.

Небо на горизонте уже вовсю розовело, рассветное солнце неохотно разгоняло ночной холод. По бокам от трассы тянулись поля, над ними стелилась дымка тумана.

– Четыреста каэм до твоей мечты, бэби!

Яна покосилась на Сиды. Он выглядел раздражающе беззаботным и отдохнувшим, словно и не было бессонной ночи.

– Сколько времени?

– Время завтрака! Чего нахохлилась? – Сид протянул руку и взъерошил ее и без того нечесанные волосы.

– Что, прямо тут? – Яна неприязненно отстранилась и бестолково покрутила головой.

– Нет, в Ки-Уэсте. Пойдем, я тут недалеко речку видел.

Прищурившись, Сид оглядел склон за обочиной и заросший осокой луг, плавно сбегавший к оврагу.

Бодро насвистывая, он вприпрыжку спустился вниз и зашагал вперед, протапывая тропинку в высокой траве.

– Ну, ты идешь? – оглянувшись на ходу, Сид подмигнул.

Яна поежилась. Было холодно, во рту стоял кисловатый привкус, хотелось пить. Закинув на спину рюкзак, она поплелась следом за приятелем.

Трава была покрыта росой, кеды и джинсы моментально промокли. Яна ругнулась про себя: «Чтоб тебя! А этот вон как бодро топает! Как будто и не холодно ему, и не устал... У него вся жизнь проходит играючи».

Фигура Сиды впереди замерла на секунду и скрылась за краем оврага. Яну посетила шальная мысль: а что если вот сейчас она дойдет до оврага – а Сиды нигде нет?

«Ну да, вот сейчас он, как в ирландских сказках, сгинет в пустом холме!»

Яна передернула плечами. От абсурдной мысли по коже пробежал неприятный холодок. Она закусил губу и припустила вдогонку, стараясь шагать по следам Сиды.

Добежав до конца луга, Яна замерла у края оврага. Склон был крутой, местами заросший кустарником. Зато внизу и правда текла небольшая речушка, над водой еще не рассеялась туманная дымка.

На лужайке у воды уже блаженно растянулся Сид. Подложив под голову рюкзак, он, не мигая, смотрел в небо. Руки были раскинуты крестом, в левой, как всегда, дымилась сигарета. Увидев подругу, Сид улыбнулся и приподнялся на локте:

– Сама спустишься или помочь?

Яна только фыркнула и начала молча спускаться по крутому склону. И, конечно, поскользнулась. Неуклюже размахивая руками, она бегом вылетела на лужайку, споткнулась и упала на колени, выставив вперед руки.

«Блин, позорище! Растянулась как корова на льду. Он же меня сейчас засмеет!»

Однако никакого смеха не последовало.

– Эй, бэби, ты в порядке? – голос Сиды звучал обеспокоенно.

Мигом подбежав к ней, он помог Яне подняться.

– Спасибо, – досадливо пробормотала она, – порядок. Только ладошку немного отбила.

Сид взял ее ладонь в свои руки и хотел было осмотреть ушиб.

– Я же сказала: порядок! – Яна выдернула руку и отступила на шаг, сбрасывая рюкзак на траву.

Ей стало неловко, слишком уж непривычно звучали заботливые нотки в голосе Сиды.

«Да ведь он же после вчерашней ночи меня совсем ничемышем считает, наверное!»

Тряхнув волосами, Яна отогнала неприятную мысль и демонстративно огляделась по сторонам.

– Блин, красота-то какая!

– Угу, – подтвердил Сид. – Купаться пойдешь?

– Как купаться? Сейчас? – не поняла Яна. – Да у меня даже купальника с собой нет...

На Север же ехала!

– Какой купальник? Ну ты даешь! – Сид поперхнулся смешком и легонько хлопнул ее по плечу, как будто она только что удачно пошутила.

Яна открыла рот, чтобы возразить, но он уже не слушал.

Потянув через голову, Сид снял с себя рыжую футболку. В мягком утреннем свете его кожа казалась бледной и словно слегка светилась изнутри.

Яна украдкой бросила взгляд на танцующего человечка, выбитого на худых ребрах.

– Да не теряйся ты.

Усмехнувшись, Сид повернулся к ней спиной и пошел к воде. Звякнула расстегиваемая на ходу пряжка ремня.

Яна почувствовала, как губы растягивает глупая улыбка. Она потянула вниз молнию толстовки.

И тут перед глазами встала та рыжая девчонка. Миниатюрная, поджарая, с бронзовыми голеньями, худыми щиколотками и острыми ключицами.

«А свои белые ляжки и живот ты видела, корова?!»

Яна резко отвернулась и порывисто бросила через плечо:

– Я пока бутеры сделаю!

– Валяй, – голос Сиды звучал уже у самой воды, послышался плеск. – Ух, вода как парное молоко!

Яна промолчала, чувствуя, как в груди бухает сердце. Она казалась себе до противного жалкой.

Зло шмыгнув носом, она принялась остервенело шарить в рюкзаке. Вскоре на свет появились закопченный котелок с горелкой, краюха хлеба и банка консервов.

Незатейливый завтрак показался Яне до неприличия вкусным. Дожевывая бутерброд с килькой, она облизнула пальцы и ласково улыбнулась Сиду.

Тот сидел неподалеку, лениво щурясь на косые лучи утреннего солнца.

Яне захотелось как-то начать разговор. Несмело улыбнувшись, она спросила:

– А почему тебя Сидом зовут?

– А почему тебя не Нэнси?

Он ответил без заминки, с улыбкой, но как-то словно бы заученно и безучастно, не отводя взгляда от воды.

Яна помедлила и придвинулась ближе. Теперь их плечи соприкасались, по телу пробежала теплая волна.

– Сид, – Яна чуть замялась, – Я спасибо сказать хотела. Что позаботился обо мне сегодня...

– О чем речь, – Сид швырнул окурок в траву и начал с преувеличенным интересом изучать кожаную феньку на запястье. – Проехали.

Яна недоверчиво сощурилась. Неужели ей удалось его смутить?

– Да нет же, погоди! Понимаешь, я просто злилась на тебя. Ну, что притащил меня на этот фестиваль и бросил. Я же там никого не знала! Я думала, мы вместе...

Она скорее почувствовала, чем увидела: Сид напрягся. Яна поспешно продолжила:

– Вместе будем время проводить. Ну, там музыку слушать, йогой заниматься...

– Йо-о-огой? – Сид двусмысленно усмехнулся. – О да, меня прям хлебом не корми – дай йогой заняться.

Яна почувствовала, как щеки вновь заливают краска. Она откашлялась и продолжила, следя за тем, чтобы голос больше не звучал обвиняюще:

– Я как ребенок себя повела. Нельзя было делать глупости – только не сейчас!

– А когда? – Сид насмешливо опустил уголок губы.

– Ну не знаю, – Яна слегка растерялась. – Вот в Ки-Уэст приеду – там и расслабиться можно.

– Мм.

Яна не поняла его интонацию и на всякий случай добавила с независимым видом:

– Это тебе до лампочки, успеем мы в Питер или нет. А у меня вся жизнь решается через двенадцать часов! Должна была сама позаботиться о себе.

Вот сейчас он точно напрягся. Однако сидел тихо, не поднимая глаз и продолжая крутить феньку.

«Ну же, скажи, что тебе тоже не все равно!»

– Это мне та рыжая девчонка подарила, – проговорил наконец Сид. – Крутая, правда?

– Кто крутая? – Яна отодвинулась. – Нет, неправда.

Она почувствовала, как в душе что-то захлопнулось. Поспешно отвернувшись, Яна бросила:

– Вставай, двигать пора.

08:40, объездная Петрозаводска

442 км до Санкт-Петербурга

Сид закурил и закашлялся. Горло саднило, глаза словно песком засыпало. А еще плечи ломило, и сидеть на рюкзаке было неудобно. Он просто очень устал.

«Да, buddy, что-то ты сдал! И ведь всего одна бессонная ночь. А раньше неделями отрывался...»

К тому же душу с утра разъедал неприятный осадок. Конечно, он сам нарвался. Сид виновато вздохнул. И кто его тогда за язык тянул?

Янка вроде искренне его поблагодарить хотела.

«Сам виноват, брат: вел бы себя по-людски – давно бы уже все у вас получилось...»

Сид отчаянно боялся признаться себе, насколько он успел привязаться к этой девчонке.

Вообще-то он всегда был сторонником свободных отношений и минимума обязательств. И тем не менее за последние дни ему *на самом деле* захотелось заботиться о Яне.

Только вот вид у нее был такой самоуверенный, что любого бы передернуло.

Впрочем, так еще с самого первого дня их знакомства повелось. Сид скептически хмыкнул, возвращаясь мыслями в прошлое.

В их первое свидание в Питер пришло лето. Теплые сумерки были прозрачны, воздух пах разогретым за день асфальтом и самую капельку – морем.

В тот вечер Сид катал Яну на самокате по Невскому, потом они кормили голубей возле Казанского и познакомились с уличными музыкантами из Уфы.

Под конец вечера Яна сидела, беззаботно болтая ногами, на бортике фонтана и уплетала за обе щеки клубничное мороженое. За ее спиной тускло светился в сером небе шпиль Адмиралтейства.

– А я вот капитализм люблю, – неожиданно заявила Яна, хрустя вафельным стаканчиком.

Посмеиваясь, Сид окинул девушку взглядом: розовые конверсы (неужели настоящие? выпендрежница!), острые коленки, безразмерная толстовка и пряди волос, лежащие так безукоризненно-небрежно. Широко распахнутые прозрачные серо-голубые глаза, трогательные веснушки и неуловимо хищное выражение лица.

Сид тогда даже вздохнул: слишком уж это все не вязалось воедино.

Ничуть не смутившись и, кажется, даже ничего не заметив, Яна принялась вдохновенно рассуждать:

– Не, ну а что? По-моему, все справедливо. Кто на какую жизнь заработал – тот так и живет. Фигачь на результат, все в твоих руках, и все такое. Человека определяет его успешность и то, что он делает. А слабаки пусть сидят в своем болоте. Да?

Сид едва не застонал от досады.

«Вот только выслушивать взгляды на жизнь от двадцатилетнего киды еще не хватало!»

Переведя взгляд на Сиду, Яна протянула ему мороженое:

– Хочешь?

Отгоняя злые мысли, он растянул губы в широкой улыбке и откусил мороженое из ее рук. Почему-то этот жест показался ему чересчур интимным и вместе с тем наивным, словно подсмотренным в старой мелодраме.

– Так что ты думаешь об этом? – нетерпеливо переспросила Яна.

Сид безнадежно вздохнул.

– Ничего не думаю. Думаю, надо жить и не париться.

– О-о-очень осмысленная жизнь, – фыркнула Яна.

Сид неприязненно покосился на нее.

«Что вообще такая золотая девочка забыла рядом с таким старым маргиналом, как я? Острых ощущений захотелось?»

– Надо просто делать, во что веришь. И не ебаться по возможности, – он все еще надеялся перевести разговор в шутку.

– И во что же ты веришь... Сид? – Яна чуть замялась и иронично улыбнулась, заглядывая ему в глаза.

Сид почувствовал разгорающееся раздражение.

«Что, даже имя мое нормально выговорить не можешь?»

– Не знаю. В любовь верю, наверное. В поиски себя, – он дернул плечом.

– И в чем же это выражается?

Показалось или ее голос прозвучал ревниво?

Сид молчал. Да и что он мог ей сказать? Прочитать стихи? Рассказать о своих безумных пьянках и нескончаемых авантюрах? Объяснить, почему каждый месяц меняет работу? Или показать ей изрисованные белые стены своей пустой и грязной квартиры?

Вместо всего этого он растянул губы в лучшей из своих улыбок и спросил с тщательно продуманным равнодушием:

– А что ты делаешь через три недели? Не хочешь скататься на Север?

Мимо пронеслась фура. Сид вздохнул, глядя в спину Яне.

«Вроде девчонка как девчонка. И что в ней такого особенного?»

Утром глупо, конечно, вышло. Сиду не давало покоя то, что его до сих пор донимало чувство обиды за полученный отказ.

«Ну не захотела она с тобой в воду лезть, и что? Сам виноват, ведешь себя как кобель!»

Похоже, собирался дождь.

Мимо с ревом лился поток машин, а время будто бы замерло. Янка совершенно скисла: понутив плечи, она ковыряла обочину носком кеда и вяло голосовала навстречу несущимся машинам.

«Ну вот, глаза обиженные, губа закушена. Черта с два она так застопит попутку!»

– Яночка! Солнце мое, выше нос!

Сид окликнул подругу привычно бодрым голосом. Ни к чему ей знать о том, что он сам уже на пределе.

Яна повернула голову. Обвиняющий взгляд исподлбья не предвещал ничего хорошего.

Сид присвистнул:

– У-у-у, да ты прям королева драмы, бэби!

– Все издеваешься? – Яна пренебрежительно подняла бровь. От нее так и веяло холодом. – А нас между тем уже три часа никто не берет. Мне через семь часов надо дома быть!

«Дурак – она ведь просто хочет, чтобы ты показал: тебе не все равно!»

Сид примирительно поднял руки.

– О'кей, не кипятись!

Легко поднявшись на ноги, он боком, будто играючи, подошел к подруге. Встал прямо за ее спиной и ласково проговорил на ухо:

– А давай лучше вместе?

Яна слегка вздрогнула, но не отстранилась.

Сид подался чуть вперед и обхватил ее руку, поднял выше. Их вскинутые большие пальцы замерли в извечном жесте бродяг, приветствующих пролетающие фуры.

Зарывшись лицом в копну золотистых волос, Сид едва не застонал – так сладко они пахли костром, солнцем, сигаретным дымом и немного мятой.

Яна ощутимо напряглась, ее вытянутая рука словно окаменела. Сид обескураженно замер.

«Блин, она что – меня стесняется? Вот тебе и „самоуверенный вид“. Ну и дела!»

– Дурак,пусти! Так нас точно никто не возьмет! – наигранно возмутилась Яна, но сделала крохотный шагок назад – чуть ближе к Сиду.

– Пospорим?

Сид улыбнулся. Вот теперь его голос звучал как надо: ни грамма усталости, только теплая хрипотца.

Прижавшись к спине девушки, он коснулся губами мочки ее уха и ласково прошептал:

– Будь моим счастьем?

Он почувствовал, как по телу Яны пробежала дрожь.

В трех метрах от них выехала на обочину и замерла на аварийке серебристая «тойота».

Восторженно пискнув, Яна сбросила его руку с плеча, вырвалась из объятий и опрометью бросилась к машине.

Сид замер, разочарованно глядя ей в спину.

«Нет, подруга, – жизнь с тобой не станцует!».

10:05, трасса А-121, поворот на Каскозеро

364 км до Санкт-Петербурга

– Ну, сладкая парочка, – водитель добродушно улыбался, – дальше уж сами. А мне в Каскозеро сворачивать.

– Спасибо вам, Сергей Николаевич!

Яна благодарно улыбнулась и завозилась, натягивая куртку. Обернувшись на заднее сиденье, она мстительно хмыкнула.

«Спит, конечно. Теперь моя очередь будить!»

Перегнувшись через сиденья, она ощутимо ткнула под ребра прикорнувшего Сиды:

– Не спать, приехали!

Сид вздрогнул и вскинул голову, растерянно моргая. В его глазах застыло такое по-детски беспомощное выражение, что Яне внезапно стало стыдно.

– Вылезай, Сид. Приехали, – повторила она уже мягче.

Выбравшись на обочину и помахав на прощание водителю, Яна зябко поежилась. Еще час назад зарядил нудный моросящий дождь, и теперь все вокруг было мокрым и неудобным, изо рта шел пар. За поворотом на грунтовку притаилась машина ДПС с выключенными габаритами. Пролетевший мимо грузовик обдал Яну грязными брызгами.

– Чтоб тебя, – ругнувшись, она натянула капюшон ветровки. – Ну и что дальше?

Сид тупо переспросил:

– Что дальше?

Яна оглянулась на приятеля. Он стоял под дождем, съжившись и бессмысленно уставившись куда-то за поворот трассы.

Она мгновенно рассвирепела.

– А дальше – мы в жопе, Сид! Осталось меньше шести часов и триста пятьдесят километров!

– Угу, shit happens...

Сид продолжал сонно таращиться поверх ее головы, и это окончательно вывело Яну из себя:

– Ебать! Стоит, в глазах мармелад!

Подскочив к приятелю, она толкнула его в грудь так, что тот пошатнулся.

– Ну сделай уже что-нибудь!

«И что же он может сделать?»

Сид сфокусировал взгляд на ее лице, как-то очень спокойно вздохнул и кривовато улыбнулся. Яна ощутила острый укол стыда, раздражение растаяло как дым.

«Да ведь его тоже это все достало не меньше!»

Обогнув Яну, Сид сунул руки в карманы и направился к машине ДПС. Он шел легко и даже как будто пританцовывая. Так, словно и не хлестал по тонкой футболке ледяной дождь.

Яна поплелась за ним следом. Подойдя к машине, она с удивлением прислушалась к непривычно просительному тону:

– ...выручить, сержант. Нам в город срочно надо, остановите машинку.

Внутри сидели двое. Тучный инспектор на пассажирском сиденье хмуро оглядел Сиды поверх опущенного стекла. Его напарник, молодой парнишка с водянистым взглядом, поочередно смотрел то на мокнущую под дождем парочку, то на старшего товарища.

Наконец сержант буркнул:

– Документы.

– Да-да, минутку! – Яна тут же засуетилась и полезла в карман рюкзака.

– Твою мать! – Сид на секунду застыл и расхохотался.

– В чем дело?! – Яна ощутила холодок недоброго предчувствия.

– Документы в толстовке, – еле выговорил, все еще не отсмеявшись, Сид. – А толстовка... В Каскозере уже, наверное.

Яна застыла столбом.

– Твою мать, – согласилась она.

– Так-так, – старший инспектор заметно оживился.

Выбравшись из машины, он смерил Сиди взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Руки на машину.

Издав хриплый смешок, Сид расставил ноги на ширину плеч и уперся руками в полицейскую машину.

Яна похолодела. Все это напоминало кадр из дешевого боевика.

Инспектор принялся буднично обыскивать Сиди. Задержался на карманах джинсов.

– Сигареты, зажигалка, – флегматично пояснил Сид.

– Доставай, – кивнул инспектор.

Глянул на помятую пачку, отложил в сторону и принялся придирчиво осматривать зажигалку. Удовлетворенно заключил:

– Плющенная. Наркотические вещества при себе имеете?

Яна ничего не понимала.

– Простите...

– Молчать, – инспектор пригнулся и пролаял напарнику внутрь машины: – Этого принимаем. Рюкзаки обыскать.

– Да погодите же! – Яна в отчаянии заломила руки.

Выдохнув, изобразила самую лучезарную улыбку, протянула паспорт и пропела:

– Сержант, на два слова, пожалуйста!

Хмыкнув, инспектор запихнул Сиди в машину и шагнул вперед:

– Что вам, девушка?

– Тут такое дело, я вам все объясню... – Яна застенчиво улыбнулась.

10:40, дорога на Каскозеро

365 км до Санкт-Петербурга

Хрипло сбивая дыхание, Яна бежала по пустынной мокрой грунтовке. Капли дождя летели прямо в лицо, приятно охлаждали разгоряченные щеки и лоб. С каждым выдохом из рта вырывалось облачко пара.

Споткнувшись на какой-то рытвине, Яна подвернула ногу и чуть не полетела носом в прибитую дождем пыль.

– О-о-о, твою мать! – заскулила она на ходу, неуклюже взмахнув руками.

Нога ныла нещадно, но Яна не остановилась, лишь перешла с тяжелого загнанного бега на широкий шаг. А вдруг вывих? Черта с два она тогда успеет вовремя!

Из глаз брызнули злые слезы. Накатила жалость к себе, отчаянно захотелось присесть на обочину и разреваться в голос.

«Почему ты должна сейчас бежать сломя голову под ледяным дождем в какую-то дыру? Это вообще не твои проблемы, каждый должен сам отвечать за свое ротозейство!»

Яна упрямо мотнула головой, заглушая коварно-вкрадчивый внутренний голос.

Жалость к себе – опасное чувство. Потихоньку прокрадываясь в душу, она незаметно подтачивает волю, и вот ты уже сам не заметил, как скис и больше ни на что не годен.

Собрав остатки сил, Яна снова перешла на неуклюжий бег. Морщась от боли в ноге и правом боку, она подстегивала себя:

– Ну же, Яныч, поднажми! Ну давай же!

Водила говорил, что живет в Каскозере и держит там магазинчик. Стало быть, сразу туда бежать? А вдруг он поехал домой? Нет, все же в магазин, а там дорогу укажут, если что.

Четыре каэм до Каскозера – четыре обратно. Времени менты дали час. Она должна успеть!

Откуда-то из глубины сознания опять всплыл противный внутренний голосок:

«Даже если ты найдешь проклятый паспорт, как ты потом успеешь домой? Четыре часа – триста километров. Ты же понимаешь, что такого везения не бывает? Нет, девочка, ты себе приговор подписала, впрягшись за этого идиота!»

По щекам струились горячие слезы, Яна уже не пыталась их сдерживать. Слезы туманили глаза, душили и окончательно сбивали дыхание.

«Дура!»

Полчаса назад, с надеждой заглядывая в глаза гаишника, Яна не думала ни о самолете, ни о часах. До боли сжав кулаки, она только твердила про себя:

«Скажи „да“! Ну что тебе стоит?!»

Застыв неподвижной глыбой, сержант задумчиво смотрел на девушку сверху вниз. С козырька его фуражки сорвалась дождевая капля. Яна проследила взглядом за тем, как она упала на выпирающий живот инспектора.

Пожевав губами, он заговорил неторопливо и подчеркнуто вдумчиво:

– История, прямо скажем, подозрительная. Может, и нет никакого паспорта?

Вспыхнув, Яна подалась вперед и отчаянно затараторила:

– Ну что вы, зачем мне врать?! Пожалуйста, войдите в положение! Мы сутки в пути, всю ночь не спали... Я же мигом туда и обратно. Да я через час его паспорт принесу – не надо его куда-то везти! Пожалуйста!

Сержант хмыкнул и смерил Яну взглядом, который ей совсем не понравился:

– Ну-ну, а вы горячая девушка, я погляжу!

«Козел!»

Зашипев про себя, Яна растянула губы в своей самой обворожительной улыбке и протянула:

– Инспектор, дайте мне один час! Не найду паспорт – все вместе поедem в отделение!

Задумчиво почесав подбородок, сержант произнес:

– Вот только одного не пойму. Вы же сами говорите – он вам никто. Ну примем мы этого раздолбая. Вам-то что?! Езжайте себе дальше. Хотите – даже до ближайшей железнодорожной станции подкинем!

«И правда – зачем?»

Не давая себе времени задуматься, Яна упрямо мотнула головой:

– Всего один час. Я успею!

Гаишник хохотнул, разводя руками:

– Ну как скажете...

Благодарно кивнув, Яна развернулась и с места бросилась бежать. Уже удаляясь, она услышала, как ей в спину с хохотом бросили:

– Дура!

*11:45, трасса А-121, поворот на Каскозеро
364 км до Санкт-Петербурга*

Сид кинул тоскливый взгляд сквозь мокрое стекло и от нечего делать принялся насвистывать.

– Слышь, ты у меня щас досвистишься! – злобно рыкнули с переднего сиденья.

– Виноват, сержант.

– А может, подружка твоя все же слиняла? С собой-то у тебя ничего, но в отделение все равно проехать придется.

Отвернувшись к окну, Сид бросил с уверенностью, которой на самом деле отнюдь не испытывал:

– Она придет. С минуты на минуту.

– Ага, держи карман шире!

Менты довольно заржали.

Невеселые мысли текли в такт дождю, барабанившему по крыше машины:

«Все, что ты мог сделать для этой девочки, – позаботиться о том, чтобы она успела на свой рейс. И что теперь? Ты опять влип, как обычно. А она побежала тебя спасать. И ведь ни минуты не колебалась! А ты бы как поступил на ее месте?»

Вспомнились солнечные дни фестиваля, веселая компания из соседнего лагеря. Упоительные вечера у костра с кочующим по кругу котелком глинтвейна, крепкими объятиями, зачаровывающим пением варгана. И где-то там, за пределами освещенного круга, маленькая палатка, в которую одиноко забила Янка. Спит или прислушивается к взрывам чужого хохота?

«Вот тебе и ответ, приятель, как бы ты поступил. Сиди теперь в компании мусоров и жди как дурак. А она где-то там под дождем, одна... И уж конечно, теперь она тебя точно ненавидит!»

Вяло ползли минуты.

За пеленой дождя показалась фигурка. Пошатываясь и петляя, она упрямо приближалась прямо к машине ДПС.

– Я же говорил, – приосанившись, Сид расплылся в улыбке.

Добежав до двери, Яна согнулась пополам и уперла руки в колени, силясь отдышаться.

Сержант опустил стекло:

– Да-а-а, ну и погодка... Принесла, спортсменка?

– Угу, – еле выдохнула девушка и протянула паспорт: – Вот!

Сплюнув за окно, инспектор нехотя принял мокрую книжицу из ее рук. Пролистнул, помолчал и неожиданно громко рявкнул:

– Ну что сидишь? Свободен, везунчик!

Сид не заставил себя просить дважды. Подхватив рюкзаки, он выскользнул из машины. Размашисто обнял Яну, прижался щекой к ее покрасневшей щеке:

– Спасибо, бэби! За мной должок будет.

Обнимая девушку, он почувствовал, как отчаянно колотится ее сердце. Она все еще дышала хрипло, с присвистом.

На поясе у нее была повязана толстовка Сиды. Яна молча передала ее приятелю, подхватила свой рюкзак и побрела прочь. Сид заметил, что она прихрамывает на левую ногу.

Натянув промокшую толстовку, он легко догнал Яну и зашагал с ней в ногу. Развеселившись, ткнул подругу в бок:

– Ну ты отожгла, сестренка! Спринтер, не меньше!

Отойдя шагов на десять, все еще не веря своему везению, Сид оглянулся и издевательски пропел:

– Това-а-а-арищ сержант, два часа до рассве-е-ета!

Ребячество, конечно. Просто захотелось сбросить накопившееся за час напряжение.

Яна взорвалась мгновенно. Она зло дернула Сиды за рукав и прошипела ему в лицо:

– Заткнись уже! Ненавижу, придурок!

Сид удивленно обернулся к девушке. Его поразило ее перекошенное от злости лицо. Растерявшись, он протянул:

– О'кей, бэби. Остынь...

Несколько минут они молча шагали под дождем. Сид чувствовал, как на смену облегчению подступают глухое раздражение и обида.

Наконец он негромко заметил:

– Ну и кинула бы меня, раз придурок.

Яна так и взвилась:

– В следующий раз обязательно кину! Больно надо с тобой связываться...

Сид стиснул зубы.

«Что-то я сомневаюсь, что ты подпишешься на следующий раз, бэби...»

Внутри закипела и поднялась жаркой волной бессильная злость пополам с обреченностью.

Заговорив, он сам удивился своему неровному срывающемуся голосу:

– Да, и правда! Зачем тебе я?! У тебя же есть твое раздутое эго, брендовые шмотки, уютная мажорская жизнь под крылышком у родителей. Чуть не забыл: еще и билет в Штаты!

Сида несло, но он уже не мог остановиться:

– Знаешь, что? Тебя никто не просил мне помогать. Валила бы к своей мамочке! Думаешь, я заплачу?

Яна застыла как вкопанная. Тяжело дыша, она прижала руки к груди и с минуту молчала.

Сид успел пожалеть о своих словах.

«Дурак! Она для тебя так старалась...»

Яна между тем заговорила негромко и сбивчиво:

– Сид, я вообще не из Питера. Я в общаге живу. У меня денег – три тысячи на карточке, а билет работодатель купил. Эта работа – мой шанс вырваться отсюда! Мне *нужно* было успеть, понимаешь ты?!

Она говорила, все больше распаляясь. Из глаз неудержимо побежали злые слезы, потерянный взгляд буквально прожигал насквозь.

Сид стоял как оплеванный.

– Яныч, – он бестолково потоптался на месте, – ну ты чего? Не плачь, я ж не знал.

– Да, не знал! – выкрикнула ему в лицо Яна. – Потому что не спрашивал ни разу, наверное?

«Какой же я идиот! И правда, хоть бы раз поговорил с ней по душам! А теперь уже поздно, наверное. Ни разу не видел, как она плачет».

Неловко обняв Яну, Сид прижал ее к себе и ощутил под ладонью острые девичьи лопатки. Зашептал ей в макушку:

– Ну прости дурака! Я не со зла, я не хотел обидеть...

Яна неудержимо рыдала. Ползли секунды. Сид почувствовал, как промокла на груди его толстовка.

– Все хорошо будет, слышишь? Успеем мы на твой рейс. Лады?

Яна хлюпнула носом и едва слышно пробормотала:

– Лады.

– А с ногой что, идти-то сможешь?

Дернув плечом, Яна едва ощутимо кивнула:

– Порядок. Слегка потянула.

Сид заговорил преувеличенно бодрым голосом:

– Вот и славно, что порядок. Давай-ка, выше нос!

Вытащив из кармана помятую бандану, он легонько встряхнул девушку:

– На-ка, выморкайся лучше.

Но Яна продолжала стоять, пряча лицо у него на груди.

Покрепче прижав ее к себе, Сид повторил:

– Мы все успеем, Янка. Я тебе обещаю!

20:17, ст. метро Купчино

Двое вылезли из чумазого УАЗа «Патриот». Под вечер выглянуло солнце, умытый дождем Питер блестел как игрушка.

Сид поправил на плече рюкзак, отошел к остановке и закурил. Яна стояла рядом, возя кедом по луже с радужным бензиновым пятном.

Молчание затягивалось. Кругом сустились люди, мимо проезжали забитые маршрутки.

– Блин, ну кто знал, – наконец выдавил Сид. – Не рассчитали.

Яна не поднимала глаз от лужи.

– Да кому он нужен, этот Ки-Уэст? Ну Яныч! Вон, посмотри по сторонам. Как по мне, так и тут неплохо!

– Все прикалываешься? Ну-ну, – Яна наконец подняла голову, но смотрела куда-то вдаль, на бликующие окна девятиэтажек.

Голос ее звучал тускло, совсем безжизненно. Усталый голос.

Сид понуро переступил с ноги на ногу, потер бровь нервным движением.

– Прости, пожалуйста.

– Ага, о чем речь. Забыли.

Протянув руку, Яна забрала у Сиды сигарету. Затянулась, но тут же закашлялась. В конце концов буднично бросила:

– Ну бывай. Спасибо за праздник.

Сид молчал, хмурясь и стараясь не смотреть на Яну.

Запустив сигаретой в ближайшую урну, она помедлила секунду, затем молча развернулась и пошла к метро.

Сид смотрел ей в спину. Вид у нее был как у побитой собаки.

Садилось солнце. Кругом шумел город.

Неделю спустя

Яна сидела на широком облупившемся подоконнике и смотрела на небо. В комнате за спиной было сыро, грязно и бесприютно. Соседка давно уехала домой на лето, да и вообще, общага почти целиком опустела.

Всего десять дней назад Яна тоже упаковала все свои пожитки в безликий картонный ящик, запечатала его скотчем и отвезла к подруге. Сдала комендантше постельное белье, подписала лист на выселение. Возвращаться сюда она точно не намеревалась.

«Никогда не говори „гоп“, не перепрыгивай».

Она невесело усмехнулась. Счастье, что удалось разжалобить бездушных теток в деканате. И что ее комнату еще никто не занял!

Впрочем, на неделе все равно надо съезжать, скоро общежитие закроется на ремонт. Честно говоря, давно пора.

За окном приветливо качал ветками клен, сквозь листву пробивалось солнце, бросая узорчатые тени на подоконник. Яна зажмурилась, ловя игру света на лице.

Думать было не о чем, говорить – не с кем.

«Дура ты. Спустила свою жизнь в унитаз, иначе не скажешь!»

Странно, но она даже не жалела ни о чем. Просто все стало безразлично и скучно. Может, позже придут отчаяние и злость на себя. Пока внутри было пусто.

На кровати моргнул телефон, брякнул ободряющий звоночек мессенджера. Яна даже не повернула головы. Почему-то гораздо важнее казалось сидеть вот так с закрытыми глазами и слушать шелест листьев на клене.

Пришло еще одно сообщение.

«Отвалите. Меня нет, абонент недоступен».

– Янка-а-а! Вниз посмотри!

Знакомый голос вспорол умиротворяющую тишину, ударом тока прошелся по нервам. Забыв, как дышать, Яна медленно разлепила глаза. Опустила взгляд и замерла, пораженная.

– Ты?! Как у тебя наглости хватило? – скорее выдохнула, чем проговорила.

Внизу стоял Сид. Рыжие шаровары, все та же до боли знакомая толстовка. Задрал голову и прикрывая ладонью глаза от солнца, он смотрел прямо на Яну.

Она почувствовала, как холодеют ладони.

– Зачем ты пришел? – снова прошептала одними губами.

Почувствовала, как голова втягивается в плечи, как безвольно обвисают руки. Захотелось спрятаться. Яна сползла с подоконника внутрь, скрываясь в спасительном сумраке комнаты.

«Вот так, я в домике. Проваливай, все равно не достанешь!»

Словно прочитав ее мысли, Сид весело выкрикнул:

– Ну иди вниз, не обижу! Давай, разговор есть!

Еще один разговор. У Яны вырвался нервный смешок. Не было у нее сил еще и на это. О чем им теперь говорить? Делать вид, что ничего не произошло, – невыносимо, искать виноватых – глупо.

– Яныч, ау-у-у! Я не уйду! Спускайся! – голос из-за окна прямо-таки сочился жизнерадостностью.

В этот момент Яна ощутила, как ее переполняет бешенство. Что он вообще о себе возомнил?! Приперся сюда, как будто имеет хоть какое-то право, орет под окнами, как пьяный подросток.

– Ну все, ублюдок. Доигрался!

Схватив со стола пропускную карточку, Яна выскочила из комнаты как была, в домашних тапочках. Спускаясь, она прыгала через две ступеньки. Руки дрожали.

Яна на одном дыхании промахнула холл и вылетела на улицу. Скатилась с крыльца, не глядя под ноги. На последней ступеньке, конечно, споткнулась – кто бы сомневался! – и чуть не потеряла тапку.

Плевать. Уже не до красивых поз, хотелось просто высказать все, что накипело на душе.

Зло прищурившись, раздувая ноздри, Яна сделала три шага по гравиевой дорожке... И замерла, не доходя пары метров до Сиды, словно наткнувшись на бетонный забор.

Она стояла как вкопанная и глядела на него во все глаза, считая удары сердца. Вся злость утекла как вода сквозь песок, в голове снова стало пусто. Былая усталость вернулась десятикратно, безжалостно навалившись на плечи.

– Я тут. Что хотел? – проговорила негромко, безжизненно.

Сид молчал, выжидательно улыбаясь. Желтые глаза на худом лице так и манили.

У Яны привычно екнуло сердце.

«До чего все же красив! И как целуется...»

– Ну здорово, коли не шутишь. Покурим?

Достав из кармана пачку сигарет, закурил одну, протянул вторую Яне. Она и бровью не повела:

– Я не курю, ты же знаешь. Давай ближе к делу.

– Ну как знаешь. – Сид ничуть не смутился. – Я чего сказать-то хотел...

Выдержав паузу, он закончил очень просто и, как показалось Яне, наконец без издевки:

– Я не хотел, чтобы так получилось, Ян.

– Ты это уже говорил. Забыли.

Яна ответила дежурным голосом, на автомате, не давая себе времени почувствовать хоть что-то. И все же ощутила, как пустоту внутри заполняет водоворот жалости к себе, поднимающийся со дна души.

– Я тебя подвел, знаю, – безнадежно продолжил Сид. – Тебе надо было улететь. Зря ты доверилась мне. Надо же быть таким идиотом, перепутать 17:52 и 7:52 вечера...

Яна молчала, глядя под ноги.

– Прости меня. Я все испортил.

Сид тоже умолк, словно устав подбирать слова. Выждав минуту, Яна подняла на него глаза, стараясь не уронить стоявшие в них слезы:

– Ты думаешь, такое прощают? Ты серьезно?

– Да нет, конечно. Но я все равно должен был попытаться.

Скинув с плеча рюкзак, Сид зашарил в нем.

– Вот, у меня для тебя кое-что есть. Возьми, пожалуйста.

Яна тупо разглядывала белый конверт в протянутой к ней руке. Обтрепанный рукав толстовки, худые жилистые пальцы. Конверт совсем простой, не подписан.

Почему-то ей не хотелось прикасаться к бумаге, такой безликой и гладкой.

– Что это?

– Сама погляди, – Сид усмехнулся.

Сглотнув, Яна все же взяла предложенный конверт. Еще раз посмотрела на Сид.

Выбросив догоревшую сигарету, он тут же закурил вторую и кивнул: «Открывай, не бойся!»

Помедлив секунду, Яна неохотно заглянула внутрь. И тут же вскинула голову, недоверчиво уставившись на Сид:

– Что это? Откуда у тебя столько?

Затянувшись, Сид выпустил изо рта колечко дыма и сказал как ни в чем не бывало:

– У меня мотик был, как раз продавать хотел... Хватит на билет до Флориды?

Яна молчала. Конверт жег руку. В ушах зашумело, из глаз все же потекли слезы.

Сид говорил что-то еще, ласково и успокоительно. Яна не слушала. Перед глазами стояли пальмы и шоссе, уходящее в закат, солнце, катящееся в золотой океан.

Рассвет на перевале, двое бредут под рюкзаками... Белая комната и свечи на подоконнике. Тепло чужого тела и запах сигарет...

– Насрать, – негромко выговорила она.

– Что? – Сид осекся.

Наконец подняв глаза, Яна проговорила тихо, но очень твердо:

– Срать на Ки-Уэст. Ты старался.

– Не понял.

Наморщив лоб, Сид стоял перед ней, нелепо отставив руку с тлеющей сигаретой. На ее кончике уже вырос целый столбик пепла.

Яна поглядела на него, словно видя приятеля в первый раз. Тощий, нескладный, рыжая щетина на узком лице. А так и не скажешь, что любимец всех женщин.

– Сид, я остаюсь.

Ну вот она и выговорила слова, которых так боялась. Оказалось, совсем не страшно и так естественно. Сердце обрадованно забилося у самого горла.

– Как остаешься? С концами? – не понял Сид.

Наслаждаясь выражением потерянности на его лице, Яна откашлялась и кивнула:

– Ага, с концами!

– Но... Почему?

«Из-за тебя, придурок!»

Конечно, она ничего не сказала. Только смотрела на него и чувствовала, как в животе сладко шевельнулся комочек счастья.

Скрывая улыбку, Яна спросила самым будничным мирным тоном:

– Тут рядом тандыр есть, там самса обалденная! Есть хочешь?

Сид дурашливо похлопал себя по карманам:

– Пойдем. Только я на мели, так что ты угощаешь!

Яна фыркнула:

– Кто бы сомневался.

По гравиевой дорожке удалялись две фигуры, одна – в домашних тапочках.

Глава 3

День рождения

Сид

– Куда мы едем? Сид, ну куда ты меня везешь?

Сид выдохнул облако дыма, сохраняя непроницаемое лицо. Сегодня его улыбке позавидовал бы сам Сфинкс.

– Ты не голодна? Лучше сейчас поешь, – он кивнул за козырек остановки, на маячившую через дорогу желтую букву «М». – Мы же в дикие места едем.

– *Насколько дикие?* – Яна прыснула, демонстративно покосившись на свои небесно-голубые джинсы и розовые кеды.

– Узнаешь, бэби.

Сид подмигнул Яне и зашарил по карманам. Вытащил на свет несколько скомканных купюр и протянул их подруге:

– Сбегаешь, пока я докурю? Я кофе буду.

– Ладно, – Яна соорудила рожицу, – только никуда не уезжай без меня, я мигом!

Сид затянулся и негромко проговорил уже в спину подруге:

– Куда ж я теперь без тебя, бэби?

Он почувствовал, как губы сами собой растягиваются в счастливой ухмылке.

«Выглядишь как полный идиот, старина. Да и наплевать!»

Сид беззаботно сощурился на солнце. Сегодня он пребывал в неприлично хорошем настроении. Мир сквозь желтые стекла очков-авиаторов так и сочился летом и безмятежностью. А между тем кругом шумел утренний город, был будний день: на остановке толпились люди, мимо лениво ползли машины в пробке, с перекрестка доносилось пищание светофора.

Словно откликнувшись на этот звук, ожил телефон в кармане. Сид вытащил его на свет торопливым, чуть нервным движением. Одно новое сообщение:

«Не устал играть в прятки? Я все равно тебя найду. Не будь ребенком, перезвони».

Лиза, ну конечно. За последний месяц они разговаривали один раз, и тот разговор по всем правилам должен был стать последним. Дождливый день на заливе, ветер в лицо...

Сид нахмурился. Ему не хотелось вспоминать последовавшую затем ночь. Ночь, когда в его пустой квартире было особенно одиноко.

«Все равно не нужно было ей признаваться в любви. Да еще и по пьяни...»

Лиза звонила на следующее утро. Сид так и не узнал, что она хотела сказать, – не хватило смелости поднять трубку. А потом стало уже не до этих звонков, потому что началось лето. Янка, фестиваль, все завертелось... И вот теперь они уже неделю живут вместе.

Сид тряхнул головой. Все же надо было что-то ответить. Игра в прятки действительно затянулась и уже начинала смахивать на фарс.

«Скучала, бэби? Был в отъезде. Прости за то сообщение – был пьян, исправлюсь!»

Он бегло набрал сообщение, отправил и оглянулся через плечо. Янка застряла внутри – наверное, очередь.

Ответ пришел тут же.

«На Север ездил, милый?»

Сид хмыкнул. Снова встал перед глазами хмурый день на пляже: мокрый песок, улетающая в небо красная точка, холодная Лизина ладонка в его руке...

«Не хочешь через три недели сгонять на север?»

Он прекрасно помнил, как блеснули тогда ее глаза, как губы тронула победная усмешка. Помнил и нарочито-небрежный тон: «Посмотрим, как себя вести будешь». Ну да, в этом вся Лиза: держать контроль до последнего.

Больше они не разговаривали. Конечно, паршивая история вышла.

Сид с удивлением отметил болезненный укол совести. Обычно он не страдал подобными порывами: не сложилось и не сложилось, к чему искать крайних?

Он успеет подумать об этом в другой раз. Только не сегодня.

Сид щелчком запустил окурок в урну, убрал телефон в карман и бросил еще один взгляд через плечо.

На светофоре как раз стояла Янка: в одной руке большой клубничный коктейль, в другой – его кофе. Сосредоточенный взгляд под ноги. Копна золотистых волос блестит на солнце. Походка, как всегда, чуточку неуклюжая, вразвалку.

Утром Яна вытащила из шкафа его толстовку и гордо объявила: «Сегодня пойду в ней!»

Сид тогда фыркнул. Толстовка была совсем не по размеру, и девушка в ней откровенно утопала: из-под рукавов видны только кончики пальцев, ворот сбил на одно плечо, того и гляди, совсем сползет. Вид совершенно нелепый и все же такой беззащитно-трогательный.

Снова накатила непрощенная нежность. Сид поймал себя на том, что его так и тянет обнять эту смешную несуразную девчонку, прижать к себе, защитить. Вот только от чего?

– Ты кофе с сахаром пьешь? Я не знала, взяла на всякий случай два пакетика... – Яна сощурилась против солнца, протягивая бумажный стаканчик.

– Без, не парься.

Сид забрал стаканчик и отпил глоток, блаженно зажмурился на секунду.

«Почему не поблагодарил? Опять она для тебя старается, а ты...

Но момент был уже упущен. Вместо этого Сид только тряхнул головой и ухмыльнулся, чувствуя, как в глазах начинают плясать бесенята:

– Ну что, бэби? Готова к своему лучшему трипу?

– Трипу? – Яна наморщила лоб. – погоди, не поняла...

– Да расслабься. – Сид беззаботно рассмеялся и закинул руку на плечо подруге, увлекая ее за собой. – Пойдем. Вон, нас маршрутка уже ждет.

У автобуса Яна остановилась и склонила голову набок, изучая табличку с маршрутом.

– Так, давай-ка посмотрим. Лисий Нос, Горское кладбище... Надеюсь, нам не туда? – Она шутиливо толкнула Сиду в бок. – Разлив... Эй, а ты меня не на пляж везешь?

Серые волны, морось в лицо, красная точка в небе... Телефон с неотвеченным сообщением камнем оттягивал карман.

Залив был последним местом, где Сиду сегодня хотелось бы оказаться.

– Увидишь, бэби, – он подмигнул Яне и легонько подтолкнул ее в спину. – Залезай!

Уже глядя из окна маршрутки на лениво уплывающую остановку, Сид перевел дыхание.

«Сегодня твой день, buddy. Не позволяй себе его испортить!»

Из пробки вырвались неожиданно быстро, и совсем скоро за окном потянулись нарядные коттеджные поселки вперемешку с жидковатыми перелесками.

Янке не сиделось на месте. Она постоянно крутила головой, выглядывала в окно, кусала в нетерпении губы. Вид у нее был до того заинтригованный и доверчивый, что Сид буквально кайфовал.

Через полчаса он удовлетворенно кивнул:

– Приехали. Останови за поворотом, приятель!

– Какой я тебе приятель... – проворчал под нос водитель, но Сид уже не слушал.

Он легко выпрыгнул на обочину, подал руку Яне и потащил ее за собой прочь от шоссе, по проселочной дороге, убегавшей в перелесок.

Яна сложила губы трубочкой и протянула:

– Слушай, а ты точно не маньяк?

– Тебе виднее, бэби. – Сид подмигнул подруге. – Да не дрейфь, тебе в любом случае понравится.

Яна хихикнула.

– Нет, ну правда! Мы идем в гости к твоей бабушке? Будем плавать с аквалангом? Или искать клад? А может, у нас романтический пикник?

Сид фыркнул и повторил:

– Тебе точно понравится. Вроде ты девочка не робкого десятка.

– Угу, вроде... – Яна на секунду наморщила лоб, но тут же просветлела лицом. – Будем прыгать с парашютом?

Сид чуть сбился с шага. Вроде едва различимо, но Яна заметила. Она тут же победно взвилась, вцепилась в его локоть мертвой хваткой:

– Прыгать с парашютом? Что, правда?!

– Shit, – Сид расхохотался. – Сдаюсь, ты выиграла.

– Мамочки, я буду прыгать с парашютом! – пискнула Яна и тут же затараторила: – Ой, а что? А как? Нас всему научат? А шлемы дадут? А ты уже прыгал, страшно?

Сид отметил, что взгляд у нее совершенно дикий. Он улыбнулся, наслаждаясь произведенным эффектом, и потянулся в карман за сигаретами.

– Как догадалась-то, бэби?

Яна на секунду умолкла и неопределенно мотнула головой в сторону неба.

– Да так, что-то навеяло... А может, это все твои дурацкие очки летчика?

Яна бросила на Сид игривый взгляд, явно приглашая к пикировке, но он только бровью повел:

– Не завидуй. Может, попозже поносить дам.

Через пару минут Яна тронула его за рукав и застенчиво улыбнулась:

– Слушай, а с чего такие подарки? Дорого же, да и вообще...

Сид выдохнул облако дыма и пожал плечами:

– Да просто так. Иногда надо себе позволять такие штуки. Надо каждый день жить на полную катушку, понимаешь, бэби?

– Еще как понимаю! – Яна просияла.

Она взяла Сид за руку и промурлыкала:

– Спасибо тебе!

Сид перехватил ее ладошку покрепче и удовлетворенно прикрыл глаза. Сегодня ему исполнилось тридцать шесть.

Яна

Дорога неожиданно вынырнула из леса напрямик на летное поле. Здесь было солнечно и ветрено, воздух сладко пах свежескошенной травой и самую капельку – моторным маслом. Августовское небо ошеломляло безмятежностью, а прямо из его сини плавно спускались, покачиваясь на ветру, крошечные черные фигурки под белыми куполами. Как будто кто-то подул на гигантский одуванчик...

– Офигеть, – выдохнула Яна, перевела взгляд на Сид и просияла. – Мы так же будем? Правда?!

– Ну, не сразу, – хмыкнул Сид. – Сначала вот так, смотри!

Яна бестолково закрутила головой, но тут же поняла, куда он указывал. На посадку как раз заходил маленький самолет. Безбожно тарахтя, он несея над летным полем так низко, что

казалось, сейчас пропадет носом пожелтевшую траву. Но нет, выдавшие виды шасси чиркнули по земле раз-другой – и вот самолет уже катится, подрагивая на невидимых кочках.

– Офигеть, – повторила Яна с растерянной улыбкой. – А я и на самолетах ни разу в жизни не летала.

– Сегодня – отличный повод начать, – подмигнул Сид. – Пойдем, нам туда.

Он махнул рукой в сторону деревянного строения неподалеку.

Яна сама понимала, как глупо она выглядит, но ничего с этим не могла поделать – слишком уж распирает восторг. Какие-то считанные минуты отделяют их от неба, полета, свободы!

На крыльце уже ждал щуплый веснушчатый парень, одетый в камуфляж.

«Инструктор», – решила Яна.

– На два часа запись? – веснушчатый кивнул Сиду. – На технику безопасности опоздали, давайте бегом на поле!

Яна растерянно захлопала глазами.

– Погодите, а инструктаж как же?

– Да не стой на месте. – Парнишка уже тащил вниз два непомерно огромных рюкзака с обвязками и пару шлемов. – Я по пути все быстро объясню.

– Оба-на. – Сид присвистнул. – Кажется, будет интересно.

Проходя мимо, веснушчатый сбросил один рюкзак на землю и кивнул Сиду:

– Парашют понесешь.

Тот с усмешкой отсалютовал в спину удалявшемуся парнишке, легко подхватил рюкзак и размашисто зашагал по полю.

Яна поспешила следом.

Самолет уже был заведен, воздух вспарывал оглушительный треск моторов. Яна видела, как Сид о чем-то спросил веснушчатого. Тот кивнул и нетерпеливо махнул ей рукой: «Догоняй!»

Она припустила бегом. Сид между тем уже надел обвязку с рюкзаком, и теперь инструктор затягивал все лямки.

Яна торопливо преодолела последние шаги и услышала обрывок фразы:

– ...Шнур сам выдернет кольцо, ничего трогать не надо.

– Извините, – невпопад выдохнула Яна.

– Надевай обвязку, – парень кивнул и продолжил, перекрикивая шум двигателей. – При приземлении ноги вместе держите, и носки не вытягивать.

Яне показалось, что все это сон, что это происходит не с ней. Она явно не поспевала за событиями. А инструктор уже застегивал на ней все крепления и подтягивал ремни.

– И на земле парашют сразу хватайте, чтобы вас не потащило за ним. Все!

Яна замерла с открытым ртом:

– Как все?! А что делать-то надо?

– Наслаждаться, бэби!

Сид расхохотался, и Яна отчетливо уловила нотку безумия в его легком заразительном смехе. Ей стало не по себе, и вместе с тем – подмывало рассмеяться в ответ. Хотелось быть такой же легкой и безбашенной.

– А твой парень шарит, я смотрю, – инструктор тоже начал было посмеиваться, но тут же спохватился. – Телефоны и мелкие вещи отдайте мне, после прыжка заберете. Вот теперь точно все!

В самолете было душно и тряско, глаза никак не хотели привыкать к скудному освещению.

Яна с Сидом заняли последние два места на узкой деревянной скамье, протянутой вдоль железного борта. На скамье уже сидело несколько человек в экипировке. Как показалось Яне, все парни, но в потемках было сложно разобрать лица под шлемами.

Инструктор запрыгнул в самолет последним, протиснулся в кабину и что-то прокричал пилоту в ухо. Тот кивнул и взялся за штурвал. Самолет тронулся с места.

– Погнали, – пробормотала Яна под нос.

Неожиданно подкатила тошнота, ладони вспотели. Яна порывисто пододвинулась ближе к Сиду, так, чтобы их плечи соприкасались. Он тут же обернулся и с улыбкой заглянул ей в глаза, вопросительно кивнул: «Порядок?»

И тут Яну осенило. Подскочив на месте, она панически выкрикнула:

– Сид, а где тут запаска, ты знаешь?!

Она ждала чего угодно, но только не этого.

Сид на секунду задумался, мотнул головой и коротко пожал плечами:

– Да пофиг, так даже веселее!

В его глазах так и плескался смех.

Яне стало дурно, она ощутила, что ее колотит крупная дрожь.

Видимо, Сид тоже почувствовал это. Он порывисто сжал Янину руку, склонился к ней и прокричал в ухо:

– Смелее, бэби! Сделаем это вместе!

И предполетная паника слегка отпустила, на смену ей пришла волна адреналина: по телу словно пробежала молния, сердце учащенно забилося, а внизу живота шевельнулся тугой горячий комок.

Страх вовсе не ушел. Просто рядом с Сидом ей было на все плевать. Она уже почти привыкла к этому.

Самолет набрал высоту и сделал круг над полем. Инструктор подошел к люку и распахнул его. Раздался надсадный писк сирены, пробивающийся даже через рев двигателя.

«Пора!» – Яна так и обмерла.

– Готовсь! – раздался окрик инструктора.

Люди на скамейке зашевелились, начали подниматься на ноги и выстраиваться в шеренгу. Яна тоже встала, сделала крошечный шаг вперед на ватных ногах. Прямо перед лицом оказалось плечо Сиды, а вот за спиной – уже никого.

«Последняя прыгаю, – промелькнуло в голове. – Значит, будет время понаблюдать за другими!»

Но понаблюдать не получилось. Очередь дрогнула и начала быстро продвигаться. Как ни старалась, Яна не могла разглядеть ничего за маячившими впереди спинами.

Следующая пара минут показалась ей целой вечностью. Она словно впала в ступор, ее хватало только на то, чтобы послушно тащиться следом за шеренгой.

Вот перед Сидом осталось три человека. Два, один... Инструктор приглашающее кивнул, и Сид с готовностью качнулся на самый край дверного проема.

«Сейчас он прыгнет, а я останусь. Один на один со страхом, свистом ветра за бортом и необходимостью шагнуть в эту дверь».

Яна почувствовала, как по бокам стекают липкие струйки пота, сердце колотилось где-то у самого горла.

Сид уже был готов к прыжку: руки лежат на плечевых лямках, ноги полусогнуты, одна – на самом краю люка. Яна обратила внимание, что носок его ботинка выставлен наружу. Она представила, какой перед Сидом сейчас открывается вид.

«Не буду смотреть вниз – тогда точно не прыгну!»

Яна слотнула и постаралась усилием воли отогнать накатившую дурноту.

«Боже, я не смогу. Просто не смогу!»

Инструктор хлопнул Сиду по плечу: «Пошел!»

Вот сейчас он выпрыгнет. Еще секунда – и его легкое, поджарое тело метнется наружу, мелькнет под брюхом самолета. Он полетит вниз, а Яна останется одна.

Еще минута – и ей тоже нужно будет прыгнуть. Это все по-настоящему, всерьез.

У Яны вырвался слабый, полузадушенный писк.

Сид качнулся назад, перенося вес с ноги на ногу. До прыжка оставались доли секунды.

«Обернись! – мысленно взмолилась Яна. – Ну же, посмотри на меня! Что тебе стоит?!»

В последнее мгновение он все же оглянулся. Их глаза встретились, и Яна отшатнулась.

То, что она увидела в глазах Сиды, напугало ее больше, чем писк сирены, рев двигателей и восемьсот метров пустоты под ногами. Это было пронзительнее свиста ветра за бортом, страшнее необходимости шагнуть из самолета, неотвратимее нераскрывшегося парашюта.

Безумие.

В его глазах плескались и смех, и азарт, и бешеный кураж. Наверное, там были и адреналин, и эйфория. Но все это не имело значения.

Потому что взгляд Сиды был абсолютно, на все сто процентов, безумен.

Яна забыла, как дышать.

«Ему что, совсем не страшно умереть?!»

Сид сделал шаг вперед и исчез за бортом самолета.

Сид

Сид никогда не был трусом. И все же, выпрыгивая из самолета, он был уверен, что испугается.

Еще внизу, на поле, инструктор упомянул, что время свободного падения при прыжке с такой высоты длится две секунды. Две секунды падения в пропасть: несколько ударов сердца, один вдох. Вполне достаточно, чтобы ощутить страх.

Оказалось, за эти две секунды не успеваешь ничего – ни вздохнуть, ни сгруппироваться, ни осознать, что происходит. Ты просто летишь вниз, и мозг цепляется за последнюю мысль, которая была с тобой еще наверху, в безопасном нутре натужно дребезжащего самолета.

Сид всегда любил высоту. Еще в юности он открыл для себя крыши Питера – и выпал из жизни на все лето. Целые дни уходили у него на поиски незапертых чердаков, обследование новых крыш и составление целых маршрутов для прогулок в поднебесье.

Сиду вспомнился ветреный июльский вечер пятнадцать лет назад. В тот вечер он прихватил пару пива и повел подружку на крышу – смотреть закат. Память не сохранила имя той девчонки, да это и неважно.

Важно было то, что он привел ее на совершенно роскошную, лучшую в Питере крышу.

Крутая, устланная коричневой гремющей жестью, с крошечными слуховыми окошками... С этой крыши открывался вид на закаты и Петровский стадион с его космическими лопухами ламп, а с другой стороны маячили шпиль Петропавловки и даже огрызок Исаакия.

А главное, с этой крыши удобно было перелезть на следующую, потом еще на одну и так далее – до конца квартала. Получался целый прогулочный променад: знай себе шагай, только по сторонам смотри, чтобы ментов никто не вызвал.

Но ни полюбоваться закатом, ни выпить пива в тот вечер так и не удалось. Не успел Сид довести подружку до дальней, последней в квартале крыши, как хлынул дождь.

Короткий теплый ливень в считанные минуты промочил насквозь кеды и джинсовку Сиды, белое платьишко девушки, их волосы и, кажется, вообще весь город. Сид тогда быстро уловил настроение подруги и предложил спуститься с небес на землю, а потом продолжить вечер в более приятном месте. Например, у него дома.

Только вот, чтобы спуститься вниз, нужно было еще преодолеть весь квартал в обратном направлении – к лазу, ведущему на незапертый чердак. Крыша после дождя стала скользкой, как канализационные люки в феврале, а живописные крутые скаты уже не казались ее неоспоримым достоинством.

Но Сид шел вперед по коньку крыши и хохотал как сумасшедший. Ему нравилось ловить волну адреналина каждый раз, когда кеды проскальзывали по мокрой жести.

И, кроме того, это было ужасающе, пронзительно красиво. Внизу ворочался переполющенный дождем город, а здесь, наверху, все крыши сияли чистотой. Казалось, в них можно смотреться, как в зеркала с эффектом сепии. Где-то над головой отчаянно кричали чайки, и на фоне неба, пламенеющего кармином, балансировали на коньке крыши две тонкие фигурки, одна – в белом платье.

«Я запомню этот закат навсегда», – пообещал себе Сид.

Волшебство момента разбил истошный, с нотками истерики, окрик в спину:

– Стой! Я не могу так идти!

Сид в недоумении оглянулся. Его подруга отстала, их разделяло уже не меньше пятнадцати шагов. Она не шла, а ползла на четвереньках, неуклюже расставив чумазые коленки. Платье задралось до середины бедер, пальцы судорожно хватались за конек крыши, мокрые волосы облепили лицо.

А самое главное, лицо девушки некрасиво кривилось, из груди вырывались короткие, как у собаки, вздохи, глаза панически бегали. Ей было отчаянно, до истерики, страшно.

Сид тогда мысленно обругал себя последними словами и поспешил обратно к подруге. Ласково улыбаясь, забалтывая ее как ребенка, он крепко ухватил девичьи запястья и тихо, по шажку, начал пятиться. Ужасающе медленно, сантиметр за сантиметром, он провел ее через три крыши, к чернеющему окну чердака.

В подъезде было совсем темно, по лестнице спускались в гнетущем молчании. И лишь внизу, уже стоя в сумерках двора-колодца, Сид робко улыбнулся:

– Ты как, бэби?

Звук пощечины прозвучал чудовищно громко, эхом выстрела отразился от грязно-желтых облупленных стен.

– Мудак!

Всхлипнув, девушка круто развернулась и бегом бросилась прочь, в спасительно-будничную толчею вечерних улиц.

Сид не стал ее догонять. Именно в тот вечер он сделал для себя шокирующее открытие: вовсе не все люди живут с ощущением собственного бессмертия.

Над головой раздался резкий хлопок, Сид словно подбросило вверх – это раскрылся купол парашюта. Вот и кончились две секунды полета.

– Ало-о-о-оха! Эй, ми-и-и-ир!!!

Сид испустил торжествующий крик и разразился счастливым смехом.

Мир – вон он, и правда как на ладони, плывет прямо под ногами. Далеко внизу лепились домики, дорога. Все это выглядело таким крохотным, абсолютно игрушечным на фоне рифленной подошвы его армейского ботинка.

А вот если перевести взгляд к горизонту...

– Море! Янка, море видишь?!

Гладкий, серебристый и такой безмятежный Финский залив зачаровывал, от него не хотелось отводить взгляд.

Выше и справа затарахтел, качнул крыльями и ушел на посадку их самолет. Над головой было подозрительно тихо.

Сид извернулся на стропах, задрал голову. Белый купол мешал рассмотреть в деталях, что происходило сверху, и все же еще один парашютист над ним определенно был.

– Я-а-аныч? Ау?!

– Да здесь я, здесь!

На этот раз она откликнулась почти сразу. Сид склонил голову, внимательно прислушиваясь. Голос слегка нервный и все же бодрый. Чудесно. Значит, полет нормальный.

– Смотри, какая красота! Бэби!

– Я не понимаю, как им управлять!

Сид с удивлением отметил, какая, оказывается, тишина в небе – чистая, прозрачная и все же осязаемо давящая. Тишина места, в котором человеку вообще-то не положено находиться. Крики звучали здесь неуместно.

Он пригляделся к сплетению строп над головой, плавно потянул за одну, другую. Купол начал наклоняться и медленно поворачиваться.

– Дергай стропы, лево-право!

– Что?!

Сид был тяжелее и опускался вниз быстрее. Расстояние между ним и Яной незаметно, но неуклонно увеличивалось.

– Стropы!!!

Ответом ему было молчание. Сид представил, как Яна сосредоточенно закусывает губу, морщит нос и перебирает стропы.

«Девочка в небе. Моя девочка!»

Губы снова сами собой растянулись в идиотской счастливой ухмылке. В груди потеплело.

Сид очень быстро снижался. Под ногами уже можно было рассмотреть ветки деревьев в стороне от поля и провода на линии электропередачи поодаль.

Потянув носом воздух, Сид закрутил головой в попытке на прощание ухватить всю птичью красоту поднебесья, попробовать ее на вкус, чтобы уж точно не забыть. Хотя разве такое забудешь...

Уже на излете он выставил ноги вперед, как учил инструктор, крепче ухватился за лямки на плечах и приготовился к жесткому приземлению.

Но никакого удара не последовало: просто земля упруго кинулась под ноги, Сид пробежал пару коротких шажков и завалился боком в душистую, пожелтевшую на солнце траву. За спиной плавно осел, негромко хлопнул на ветру и сложился парашют.

Вот и все, полет был окончен.

Сид еще с минуту повалялся на земле. Траву в этой части поля не скосили, и из-за высоких стеблей нельзя было разглядеть ничего, кроме безбрежно-голубого неба. Не верилось, что ты сам только что спустился оттуда, сверху.

Он отломил длинную травинку и зажал ее в зубах. Вставать не хотелось, хотелось просто продлить эти минуты безмятежности, в которых не оставалось места извечным понтам, рисовке и напряжениям.

Внезапно он ощутил острую усталость от необходимости находиться среди людей. С ним такое случалось, в последние годы все чаще, но почему-то именно теперь на него нахлынуло осознание своей полной неуместности в этом глупом обществе, придуманном взрослыми разумными людьми.

Сид вздохнул и поднялся. Все же пора было возвращаться в деревянный домик на поле.

Нести рюкзак по высокой траве оказалось тяжело и неудобно. Сиду не удалось запихнуть весь парашют обратно в брезентовый мешок, и кусок белого купола так и тащился следом, цепляясь за траву.

Навстречу ему уже спешил веснушчатый инструктор. Сид весело окликнул его шагов за десять:

- Снаряжение у вас – олдскул! Килограмм восемнадцать, поди, весит?
- По земле парашют не волочим! Порвется же, – огрызнулся парень.
- Как скажешь, начальник.

Сид скинул поклажу на землю, закурил и оглядел поле. Солнце слепило глаза, заставляло шуриться. Сид повернулся к инструктору. Тот возился с парашютом, утрамбовывал его в рюкзак.

- Приятель, у тебя мои телефон и очки.

На секунду оторвавшись от снаряжения, парень вытащил из кармана камуфляжной куртки желтые авиаторы и пару телефонов:

- Держи. Один трезвонил все время.

«Почему телефонов два?»

Скамейка у деревянного домика пустовала, по полю двигались несколько фигурок с рюкзаками. Сид взгляделся в их силуэты.

- А где девочка, которая со мной прыгала?
- А-а-а, – инструктор фыркнул, – подружка твоя в лес улетела.

Сид моргнул. Перед глазами встала хрупкая фигурка, проламывающая собой густые кроны деревьев, ударяющаяся о сучья. И упругие ветви, хлещущие прямо по лицу...

- Не понял, – он молниеносно повернулся к веснушчатому.
- Да не парься, – отмахнулся парень. – Ничего страшного, у нас постоянно так бывает.

Уже отправили команду за ней.

- В какую сторону улетела? – голос Сиды не предвещал ничего хорошего.
- Туда, – инструктор мотнул головой в сторону дальнего перелеска. – Не парься, я тебе

говорю: там деревья совсем редко растут...

Сид не дослушал. Он круто развернулся и торопливо зашагал к перелеску.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как один из двух телефонов ожил, тревожно взвыл в кармане.

- Во, я же говорил. И он так всю дорогу разрывался, – хохотнул инструктор за спиной.
- Сид вытащил телефон, кинул раздраженный взгляд на экран.

– Блин.

Отвечать не хотелось.

Все же он чертыхнулся и принял вызов. Не сбавляя шага, поднес телефон к уху:

- Привет, Лиза. Не могу сейчас, занят.
- Ну здравствуй, мой хороший, – голос в трубке разлился теплым насмешливым смехом. – Давно не слышались. Поговорить надо.
- Лиз, я занят, – Сид раздраженно дернул щекой.
- А это и не телефонный разговор. Я в Питере, встретимся у тебя через час.

Лизин голос звучал весело и ласково. Сид по опыту знал: это не к добру.

Он выудил из кармана пачку сигарет. Щелкнул зажигалкой и небрежно бросил:

- Я не дома. Позвоню тебе вечером.
- Нет, не позвонишь, – в трубке раздался злой смешок. – Да и хрен бы с тобой. У меня все еще твои ключи, забыл? Жду тебя дома через час.

Жду дома.

Сид моментально осатанел:

- Много на себя берешь. Не смей туда приезжать!
- О-о-о, я еще и не такое посмею!

Трубка взорвалась счастливым безбашенным смехом. Сид глубоко затянулся.

– Слушай сюда, – теперь от Лизиного голоса так и веяло холодом. – Я приеду к тебе домой и закинусь всем, что найду. А что-то мне подсказывает, что найду я там немало.

Сид сбился с шага и застыл как вкопанный.

– А дальше, мой хороший, я сразу звоню в скорую. И пусть меня забирают... Если успеют. Как тебе такой план?

– Дура, – Сид выплюнул это слово и ощутил, как сжались кулаки.

– Ну что ты, родной, – из трубки донесся издевательский смешок. – Должны же у нас с тобой сбываться хоть какие-то планы?

– Ты этого не сделаешь.

– Еще как сделаю, – Лизин голос угрожающе зазвенел. – У тебя есть час. Я жду.

Вызов прервался.

– Сука, – выдохнул Сид.

«Блефует», – мелькнула спасительная мысль.

Но он прекрасно знал, что Лиза больная на всю голову. И если сказала – значит, сделает.

Воображение услужливо подсуло картинку: необъятный матрас Сиды, разворошенная постель, в которой еще утром спали они с Янкой. Блевотина на простыне, безвольное тело поперек подушек. Синюшные губы, разметавшиеся черные волосы...

Сиду даже не хотелось думать о том, что произойдет, когда в его квартиру придет скорая, а затем – неизбежно – и менты.

«Только вот возьмутся они не за тебя, а за меня, стерва!»

Лиза знала, чем это ему грозит.

Нет, Сид никогда не был трусом. Но сейчас ему стало страшно.

Он заметался, окинул взглядом кромку леса за полем – не покажется ли на опушке знакомая неуклюжая фигурка?

Там было пусто. Перед глазами снова встала картинка хрупкой девичьей фигурки, бющейся о стволы, напарывающейся на сучья.

«Ненавижу!»

Нервным движением Сид отбросил тлеющий окурок прямиком в сухую траву, сунул телефон в карман и надел очки. Решение было принято.

Он развернулся и легко, чуть пританцовывая, пошел по полю в обратном направлении. Поймал озадаченный взгляд веснушчатого и небрежно кивнул:

– Говоришь, у вас еще никто там не пострадал?

– Да не, говорю же, там деревья совсем редко растут. А ты-то куда? – Парень сосредоточенно хмурился, словно пытался что-то сообразить.

– Да по работе позвонили. Надо отъехать.

«Что ты несешь, buddy? Какая, к чертям, работа?!»

Сид тряхнул головой и невозмутимо продолжил:

– Очень срочные дела. Когда девочка появится, – он кивком указал на лес вдалеке, – можешь ей передать, что мне пришлось уехать? Буду на связи.

– Ага, конечно, – парень прищурился и окинул Сиды издевательским взглядом.

– Спасибо, приятель! Только обязательно передай, будь другом. – Сид предпочел не замечать сарказм веснушчатого.

– Да сделаю, че.

Парень пожал плечом.

Сид кивнул на прощание и размашисто зашагал прочь, к дороге в город. За спиной раздался глумливый смешок:

– Позвонит она тебе, как же...

Слова прозвучали обидно, потому что были правдой. Сид еще сильнее ускорил шаг.

Час – это очень мало. Но он обязан успеть.

«Такое Яна точно не простит. И будет права».

Он мотнул головой и перешел на бег – прочь с поля, прочь от безмятежной сини и запаха сена вперемишку с моторным маслом.

В кармане он уносил два телефона.

Яна

Яна так и не поняла, как ей удалось выпрыгнуть из самолета. Просто инструктор махнул рукой, и в голове пронеслось:

«Надо прыгать! Не стой дура душой – прыгай!»

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она шагнула за борт самолета, хотя на самом деле шаг этот занял доли секунды.

Прыжок – и ветер наотмашь бьет по лицу, заставляет зажмуриться, воздух со свистом вырывается из груди.

Не открывай глаза, скоро это все закончится.

Может быть, Яна на секунду отключилась. Из ступора ее вывел мягкий толчок в плечи. Мир вокруг замедлился, над головой надулся спасительный белый купол.

«Ну вот, теперь ты сама стала частичкой гигантского одуванчика».

Вид завораживал. Прозрачная голубизна неба уходила в бесконечность, плавно перетекала вниз и встречалась у линии горизонта со сверкающими волнами залива. Яна почувствовала, что улыбается.

И все же она ощущала себя такой незащищенной в подрагивающем гнезде врезающихся в тело лямок.

Внизу что-то счастливо кричал Сид.

– Мама, как этим управлять?

Яна закусила губу. Стропы над головой спутались и обвились друг вокруг друга. И только выше, через пару метров, они расходились в стороны, к краям раздувшегося купола.

– Ау?!

Окрик снизу привел ее в чувство.

– Да здесь я, здесь!

Яна судорожно сглотнула. Она почувствовала себя ужасно одинокой и уязвимой.

– Я не понимаю, как им управлять!

Сид что-то прокричал в ответ, но порыв ветра подхватил слова, унес их прочь.

– Что?!

Яна снова закрутила головой, вглядываясь в спутавшиеся стропы.

– Стропы!!!

– Офигеть, – Яна скрипнула зубами. – Сама знаю, что стропы. Спасибо!

Она не стала больше окликать Сида – поняла, что бесполезно. Ничем он ей не поможет.

И все же надо было что-то делать.

«Вдох, соображай!»

Стропы зацепились одна о другую, спутались в единый неопратно вьющийся канат.

Значит, если раскрутиться...

Яна посмотрела вниз, оценила высоту под ногами. Они уже порядочно снизились, действовать нужно было быстро.

– А, была не была! – Яна решилась.

Она осторожно потянула за стропы, раскручивая их. Как и следовало ожидать, ее тут же закрутило вокруг своей оси.

Мир завертелся перед глазами, теряя свои очертания. Зато стропы над головой плавно разматывались.

Еще чуть-чуть...

Яну мотнуло туда-сюда, зато вращение земли под ногами замерло. Стропы распутались и теперь тянулись к парашюту тонкими строгими линиями.

– Получилось! – радостно выдохнула Яна.

Она только сейчас осознала, что все это время сдерживала дыхание.

Земля заметно приблизилась. Яна опустила взгляд, ожидая увидеть далеко под ногами выцветшее на солнце поле, может быть, крохотную фигурку самолета на взлетной полосе.

– Твою мать! – из горла вырвался невразумительный писк.

Поля под ногами не было. Яна стремительно снижалась над лесом, под ногами уже можно было разглядеть в деталях кроны деревьев. Ни единого просвета впереди, летное поле неуклонно ускользало куда-то за спину.

Яна порывисто задрала голову и уставилась на стропы, отыскивая основные две.

– Так, попробуем...

Она потянула на себя одну стропу. К ее радости, парашют отозвался почти сразу, плавно заворачивая вбок.

– Есть! Давай, еще чуть-чуть...

В спину неожиданно подул порыв ветра. Парашют заколебался, и Яна поняла, что все пропало.

Она все еще разворачивалась в сторону поля, но слишком медленно. На ветру парашют неуклонно относил влево и вперед, в самую гущу леса.

От одной перспективы приземления на кроны деревьев Яне стало дурно. Она буквально ощутила, как ветки бьют по глазам, распарывают одежду, как она стремительно летит в толстенный ствол...

– Соберись! Сейчас не время, – она прорычала это вслух, силясь привести себя в чувство.

Лес внизу наплывал неотвратно, но плавно. Яна успела рассмотреть деревья под ногами и приметить, в какой стороне осталось летное поле.

– Пора!

Она приподняла колени и прижала к груди руки крест-накрест, защищая вены от веток. Подумала еще с секунду и опустила подбородок, пряча лицо. Хотелось надеяться, что выставленный вперед шлем защитит ее от удара о ствол дерева.

Подошвы кедров ушли под верхние ветки, зарылись в листву. Яна зажмурилась. По рукам и лицу что-то мягко хлестнуло, в бок ударился и тут же с хрустом сломался сук.

Еще секунда – в плечи и бедра больно врезались лямки. Яну качнуло вверх-вниз, как на пружине, и падение прервалось.

Приземление окончилось.

Яна открыла глаза.

Парашют зацепился за кроны деревьев, и она повисла метрах в трех над землей. У нее получилось! Она была цела, если не считать мелких царапин. Непонятно как, но ей удалось пройти между деревьями, ни во что не врезавшись.

– Блин, я живая, – Яна сглотнула и расслабилась.

Что дальше? Наверняка на поле видели, куда она приземлилась. Скорее всего, сюда уже бегут люди, они помогут – нужно только подождать. Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

Висеть на стропах было неудобно, уже через пару минут ноги начали неметь.

Яна представила, как выглядит со стороны: неуклюжий тюфяк, подвешенный между деревьев. Беспомощный взгляд, нелепые покачивания на тонких стропах. Ей стало противно.

«А ведь Сид наверняка прибежит сюда первым! И что он обо мне подумает?!»

Нужно хотя бы попытаться слезть.

Так, под ногами заросли крапивы. Чуть левее – канава с черной стоячей водой.

Яну передернуло. Ничего не скажешь, приятная перспектива приземления. И все же, это лучше, чем болтаться в трех метрах над землей.

«Спасибо хоть не вверх тормашками!»

Для начала Яна решила проверить, насколько прочно парашют застрял в кроне дерева.

Вздыхнув, она принялась раскачиваться из стороны в сторону и подпрыгивать на стропах. Ветки потрескивали, но крепко держали белый купол.

Расстегнуть обвязки тоже не получилось. Обламывая ногти, Яна попыталась хоть чуть-чуть ослабить крепления на бедренных лямках, но бесполезно. На них слишком сильно давил вес ее тела.

«Если немного подтянуться и ослабить давление...»

Но подтягиваться Яна не умела.

С каждой секундой ремни все ощутимее давили на бедра. Яна поморщилась, вообразив, какие в этих местах останутся синяки.

Нет, так не пойдет. Надо выбираться.

Она закрутила головой. До ближайшего ствола не меньше пары метров. Значит, нужно хорошенько раскачаться...

Ветки жалобно заскрипели. Яна скривилась, когда лямки обвязки еще сильнее впились в кожу. Ничего, еще чуть-чуть... Она удвоила усилия.

Когда до ближайшего ствола оставался всего метр, Яна сделала отчаянный рывок и вытянула руку. Кончики пальцев только бесполезно чиркнули по коре.

– Ай, блин!

Она отдернула руку. Подушечки были содраны. Слизнув капельку крови, Яна зажала руку в кулак.

Она вдруг представила себя молодым солдатом-янки, который только что десантировался в джунглях Вьетнама. Яне стало смешно, душу заполнил злой азарт.

«Нет уж, не дождетесь – так легко наши не сдаются!»

Еще один рывок, Яна услышала, как хрустнули суставы. Судорожно извернувшись, она поймала-таки дерево.

Половина дела сделана, оставалась сущая ерунда.

Яна подтянулась вверх по стволу и ухватила за ветку. Взобралась повыше, перенесла вес на дерево и шустро расстегнула обвязку.

– Свобода! – Она испустила победный клич и залилась счастливым смехом. – Люди, а-у-у-у!!! Я здесь!

Лес ответил ей безмятежным молчанием.

Прикинув расстояние до земли, Яна обхватила дерево руками и ногами и легко соскользнула вниз. Прикосновение шершавого ствола тут же отозвалось острой болью в бедрах и ладонях.

И все же она была на земле! Яна ощутила, как нахлынула волна облегчения.

Да, но что делать дальше? По ощущениям с момента ее позорного приземления прошло не меньше пятнадцати минут. «Где Сид? Где инструктор и спасатели?»

Чем дальше, тем интереснее.

– А-у-у-у! Си-и-и-ид!!!

Никакого ответа.

Яна попыталась сообразить, в какой стороне осталось поле. Вроде бы, когда она садилась, солнце светило по левую руку.

Раз никто не спешил ее спасать, придется делать все самой. Как и всегда.

Яна тряхнула головой и решительно углубилась в лес. За спиной оставалась безмятежная поляна, заросшая крапивой, и обвисший белым флагом парашют.

«Вот удивится Сид, когда я выйду на летное поле победителем – целая и невредимая!»

Яна самодовольно хмыкнула.

Сид

Сид бежал по проселочной дороге. До шоссе не больше километра, значит, еще минут пять – и можно будет ловить попутку до города. Сейчас он отдал бы любые деньги за мотоцикл, который продал две недели назад.

У Сиды вырвался нервный смешок.

Яна начала искать работу сразу же, как переехала к нему, но Сид быстро это пресек.

– Работа – это для нищих. Не напрягайся пока, – бросил он в один из вечеров, собираясь на смену.

За последнюю пару дней его квартира преобразилась до неузнаваемости. Переехав, Яна тут же намыла пол, забила своими чисто женскими штучками всю полку в ванной, и вешалка в комнате тоже пестрела новыми шмотками. Даже на подоконнике умудрилась отметить: резному жирафу пришлось сойти со своего пьедестала и потесниться. Теперь рядом стоял портрет Яниной кошки.

Только вот Сид слишком привык жить один. Каждый раз, налетая на чужие вещи, он с трудом подавлял приступы раздражения. Вот и теперь куда-то запропастились телефон и ключи, а ведь всегда лежали на столе! Теперь там громоздились стопка Яниных книг, фаянсовая миска с зелеными яблоками, наушники, неопрятный ворох каких-то бумаг... Посреди всего этого втиснулся ноут, над ним сгорбилась Янка. Сосредоточенный взгляд, прикушенная губа, мышка деловито щелкает по вкладкам сайта вакансий.

– Каких еще нищих? – Яна едва повернула голову. – Вот еще – «не напрягайся»! Ты же работаешь.

«Черт, да куда же они запропастились?»

– А я тоже скоро уволюсь, – небрежно бросил Сид. – Для духом нищих, бэби.

Он пинком отшвырнул с дороги Янин пустой рюкзак и продолжил метания по комнате.

– Shit! Да где же они?

– Не поняла, – Яна рывком обернулась к Сиду. – Зачем уволишься?

Но Сид уже не слушал. До его смены оставалось меньше часа, если опять опоздает, одним штрафом уже не отделаться.

Перед глазами замаячила управляющая баром, стальной взгляд и усталый прокуренный голос: «Еще раз не откроешь бар вовремя – можешь вообще не приходить».

– Куда они, на хрен, могли деться?!

Сдерживать раздражение он уже не мог. Сид подлетел к столу и одним нервным движением сдвинул все вещи. Фаянсовая миска не удержалась на краю, опрокинулась и упала на пол, с отчаянным дребезгом раскололась на четыре куска. Зеленые яблоки вприпрыжку покатались по деревянному полу.

– Твою мать!

Сид в сердцах толкнул стопку книг. Она тут же развалилась, несколько толстых томов с грохотом полетели на пол.

– Да пропади оно все!..

Он сделал пару шагов назад, все еще вне себя от спонтанно накатившей ярости. Ясный и негромкий голос прозвучал словно откуда-то издалека:

– Ничего, я все уберу.

Сид моргнул и повернул голову. Яна застыла на стуле гипсовой статуэткой и глядела на него во все глаза, без тени укора, скорее сочувственно. Ему показалось, или в ее голосе были извиняющиеся нотки? Сиду стало стыдно, он не знал, что сказать.

– Что ты искал, Сид?

Яна по-прежнему сидела без движения и неотрывно смотрела ему в глаза. Сид небрежно махнул рукой:

– Я потерял телефон и ключи от бара. Да неважно, я уже опоздал...

– Они в прихожей.

– Что?

Яна кивнула в сторону коридора:

– Ты их сам сегодня днем оставил на тумбочке в прихожей.

Сид молча рванул прочь. Янин взгляд так и жег лопатки. Он почувствовал облегчение, скрывшись в темноте коридора.

Телефон, ключи и сигареты сиротливо лежали на полке у двери.

«Извиниться перед ней не хочешь?»

– Бэби, ты лучшая!

Сид присел и принялся впопыхах шнуровать кеды. Если бегом до метро, то он еще успеет...

Он торопливо натянул косуху и мельком глянул в зеркало.

«Неплохо выглядишь, buddy!»

Сунув телефон и ключи в карман, он уже взялся было за ручку двери.

– Так почему ты сказал, что уволишься?

Яна тихо стояла в дверном проеме комнаты и все так же серьезно смотрела на Сиду.

Он легко рассмеялся:

– Так лето же заканчивается, глупыш! А мы с тобой еще нигде не были.

– То есть как – нигде? А надо было? – Яна наморщила лоб.

Сид вздохнул и одарил подругу ласковой улыбкой.

– Покажу тебя настоящий Север. И чтобы было приключение, а не как в прошлый раз...

– погоди. – Яна явно была сбита с толку. – А жить мы на что будем?

«Женщины...»

Сид сделал шаг назад, потрепал Яну по щеке и заглянул ей в глаза.

– А вот это предоставь мне. Не парься, бэби. Наслаждайся.

Яна неуверенно ответила на его улыбку, порывисто прижалась к нему и шепнула:

– Как скажешь.

Сид довольно хмыкнул.

Уже через плечо, с лестничной площадки, он бросил на прощание:

– До завтра, бэби! Ложись, не жди меня.

Он летел по лестнице, прыгая через две ступеньки, и все еще улыбался.

«Предоставь это мне».

Ему нравилось, как это звучало. Если бы еще он не опаздывал так на смену. Если бы деньги от проданного мотоцикла не таяли так быстро.

«На Север хватит. А там разберемся!»

Сид тряхнул головой.

«А все же с Янкиным приездом дома стало гораздо уютнее...»

Дыхание сбилось, и Сиду пришлось перейти на широкий шаг. Впереди уже маячило шоссе.

Он не хотел смотреть на часы, да и какая разница? Он должен успеть. Сид не позволял себе даже думать о том, что будет, если он не успеет.

Выскочив на обочину, он едва глянул по сторонам, кинулся опрометью через дорогу. Вслед ему возмущенно загудел черный внедорожник.

– Расслабься, buddy! – Сид едва отмахнулся от водителя и напряженно уставился на поток машин, едущих в сторону города.

Эти три едут слишком плотно и быстро, зато за ними...

«Пропусти, выжди секунду... Еще немного... Давай, пора!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.